

Андрей Уланов

КРЫСОЛОВ

Андрей Уланов

Крысолов

«Автор»

2008

Уланов А. А.

Крысолов / А. А. Уланов — «Автор», 2008

Как стать знаменитым адмиралом? Очень просто – надо всего лишь ухитриться не погибнуть, будучи простым капитаном. Вот и чиновник Казначейства тан Диего Раскона решил рискнуть – сменить письменный стол на мостик фрегата и начать собственную войну против пиратов. Правда, среди них порой встречаются еретики, черные маги, мстительные гномы и прочие неприятные личности, да и от собственного начальства лучше держаться подальше... А значит, для успешной карьеры на море благородному тану придется изрядно поработать – и не только шпагой.

© Уланов А. А., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Пролог	5
Часть первая	10
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Андрей Уланов Крысолов

«Он не позволил себе и своей команде бездельничать на Тортуге, решив сделать Испанию козлом отпущения за все свои муки. Это вело к достижению двоякой цели: удовлетворяло кипящую в нем жажду мести и приносило пользу – конечно, не ненавистному английскому королю Якову II, но Англии, а с нею и всей остальной части цивилизованного человечества, которую жадная и фанатичная Испания пыталась не допустить к общению с Новым Светом».

Рафаэль Сабатини. Одиссея капитана Блада

Автор благодарит всех участников форума ВИФ2не (и не только), чья помощь в работе над этой книгой была воистину неоценимой. Отдельное спасибо Алексею Куприянову, Андрею Союстову и Александру Москальцу, а также Сергею Махову.

Пролог

*Год 1763-й ОС, 11-е аллира,
Риколет-нар-Арм, старый форт.*

– Боишься? – спросил Тайкен.

– Кто, я? – вскинулся Нюр. – Да я...

Конечно же, он боялся. Легендами о подземельях старого форта – завывающих призраках, гремящих ржавой амуницией скелетах и прочих тамошних «жителях» – успешно запугивало себя не одно юное поколение Арма. И само собой Нюр никогда и никому в этом не признался бы. Даже своему лучшему другу и напарнику.

– Тай, да с чего ты вообще взял, что я боюсь?

От возмущения он даже взмахнул острой. Но Тайкен то ли решил щегольнуть невозмутимостью, то ли действительно не обратил внимания на мелькнувшие около его плеча зубцы – вытянув шею, он старательно разглядывал черный провал входа.

– Ну и дурак.

– Что-о-о? Ну ты... думаешь, раз на год старше, так и все можно?! Вырядился тут... прям на парад!

От обиды Нюр ошибся дважды. Во-первых, рубашку Тая сложно было счесть парадной формой даже по сравнению с рваной тельняшкой самого Нюра – и в лучшие свои времена она числилась всего лишь повседневной номер два. Пройдя же через интендантские ведомства двух армий, жаркое южное солнце и бесчисленные стирки дешевым казенным порошком, рубашка лишилась не только рукавов, но и первоначального цвета темной оливы, приобретя взамен землисто-серый оттенок и статус ветоши для протирки амуниции.

Во-вторых же, Тайкен был старше друга ровно на год и месяц, а тринадцать и один против двенадцати – и в самом деле большой срок...

...и не только для мальчишек.

– Дурак, говорю, – повторил Тайкен. – Не слышал разве: на прошлой неделе одна ком-пашка тут на пикник расположилась, ну и два героя, – вроде тебя, – отправились подземелья исследовать. И все, с концами. Верхние два этажа гварды осмотрели, а в затопляемые, понятное дело, даже и соваться не стали.

– А-а, так вот чего «белые шапки» тут два дня шныряли, – протянул Нюр. – И что теперь, форт закроют?

– Он и сейчас вроде как закрытым числится, – Тай мотнул головой в сторону проволочного забора. – А делать нормально, по правилам – вышки новые поставить, прожектора, охрану, сторожевое заклетье – так это деньги, а кто ж их даст? Брат вчера рассказывал: гварды на военных карту перекинуть пытались: мол, ваша забота. Ну а генерал Хименес им: ни фиги, ребятки, мол, земля та давно уже передана в юриспр... юр... короче, передана гражданским властям. И добавил, что если у кого дурости хватит по тамошним подземельям лазать, пусть их Князь Ночи забирает, мол, такого добра не жалко!

– Так вот чего шныряли... – повторил Нюр. – Я-то думал, клад ищут.

– Клад? – насмешливо переспросил Тайкен. – Хе... это ты здорово сказал. Наверно, думал долго. Ну откуда в старом форте кладу взяться, а?

– А вдруг? – запальчиво возразил напарник. – Может, во время войны какой-нибудь маг, ну или просто миллионер, взял, да и задумал свои богатства в надежное место упрятать.

– Так и вижу чудную картину, – Тай засунул большие пальцы за пояс и выпятил губу, явно подражая старшему капралу Хавьера, личности для обоих друзей легендарной – в смысле, не виданной живьем, но преотлично знакомой по рассказам старшего брата Тайкена. – Миллионер, значит, вскакивает среди ночи, сломя голову несется в банк. По дороге, значит, вызывает тана директора, ну чтобы тот подвальное хранилище отпер, и заклинателя, охранную сетку снять. Забирает, значит, из личного сейфа шкатулки-шмутулки всякие, прикатывает сюда и спрашивает, значит, у шторм-полковника Гойница: «Тан комендант, не положите ли мой ящичек в артпогреб?»

Нюр обиженно уставился на коленки напарника. Точно такие же, как и его собственные, за вычетом светлой на фоне загара полоски кожи – памятки о недавней встрече со скатом-бородачом.

– Ну мало ли... всякое бывало.

– Упрямый маленький кельбр, вот кто ты есть. Просто не хочешь признать, что я в очередной раз прав и никакого клада здесь быть не может!

– Может! Ладно, пусть не миллионер... а хотя б и ящик с казной! Тут же народу много было и всем наверняка жалование полагалось.

– Наверняка, – кивнул Тай. – Только платили его купюрами, бумажками то есть. И бумажки эти в морской воде давно уже в пыль растворились.

– А они в броневом ящике, вот! И под заклетьем!

– И потом, – усмехаясь, добавил Тайкен, – вспомни, что старая тана Кериоза рассказывала. После войны этими деньгами только что улицы не мостили – кто на стены клеил вместо обоев, кто прикуривал... инфляция, слышал такое слово?

В поисках аргументов Нюр принялся озираться по сторонам.

– Тай, смотри! – радостно воскликнул он. – Солнце уже во второй четверти, а мы тут языки натираем. Такждемся, что плыть в полдень придется, в самое огнепекло.

И, не дожидаясь ответа друга, запрыгал вниз по щербатой лестнице.

Его напарник, продолжая посмеиваться, наклонился, поднял с растрескавшегося бетона сумку и неторопливо зашагал следом.

Они прошли мимо массивных куполов бронебашен, слепо нацеливших вдаль ржавые хоботы орудийных стволов – кроме одной, словно консервная банка вскрытой «радужной молнией». Мимо зенитного дворика – отсюда пушки вывели, оставив лишь заделанные в основание площадки полушиты. Мимо воронки-звезды – следа прорвавшегося пикировщика, исчеркавшего бетон осколками сверхтяжелой фугаски. Мимо «дамских шляпок» пулеметных дотов внешнего пояса. Мимо ежей, между которыми кое-где по-прежнему виднелись ржавые космы ключей проволоки.

За ежами старый форт кончался и начинался форт древний – заросший травой и пальмами. Его близнец на другом берегу бухты сохранился не в пример лучше – туда возили туристов и по торжественным дням старинные чугунные «длинные рыла» весело плевали тугими белыми облачками холостых залпов в иллюзорные стаи парусников.

Этому же – не повезло. Сначала его заслонил от города новый форт, а потом и новый стал старым, переуступив свою заботу ревущим в небесах самолетам, прикрытым камуфляжными сетями ракетным пусковым, и еще кое-чему, до жути секретному, притаившемуся до поры под многослойной бронированной скорлупой и «туманными щитами» контрзаклятий. Здесь уже давно царила лишь тишина и две-три еще видневшиеся сквозь траву пушчонки давно уже не слышали грохота выстрелов. Лишь волны штормового моря заставляли старые камни вздрагивать – почти как века назад.

– Куда сегодня поплывем, а?

– Посмотрим, – неопределенно сказал Тай.

– Давай к Челюсти Пса махнем, а? Там... – не договорив, Нюр ойкнул и принялся скакать вокруг напарника на одной ноге.

– Занозил?

– Не... – замерев на месте, Нюр по-птичьи наклонил голову, пытаясь разглядеть левую пятку. – Наступил просто...

– Говорил же, иди по тропе. Тут ведь и мины были, ловушки...

– Ой, да ладно, Тай, – отмахнулся мальчуган. – Ты сегодня что-то весь такой правильный, аж смотреть противно. Поплыли к Челюсти, ну давай?

– Я же сказал: посмотрим.

– На что? Опять будешь пытаться по кубику гадать?

– Сначала нырнем пару раз ближе к берегу, – Тайкен потер локоть. – Там где начинается двадцатиярдовая изоб... ну, где мы миску оловянную нашли, помнишь?

– А зачем? – Нюр смешно наморщил нос. – Мы ж там уже все дно исходили.

Тайкен ответил не сразу. Сначала он вскинул руку и, шурясь, глянул вперед – туда, где весело прыгали по волнам несчетные стайки солнечных лягушат. Кроме них, в море сейчас не было почти никого. Лишь слева, то и дело растворяясь в бликах, мелькал длинный корпус идущего к входу в гавань сухогруза, да сразу за молом белел парус яхты... и, как всегда, маячил у самого горизонта тонкий хищный силуэт сторожевика.

– Шторм был сильный. Может, что-нибудь появилось.

– Ну, ты как хочешь, а я в глубину не полезу, – заявил Нюр. – Потому как не знаю насчет всяко-разного, а вот холоднучей воды твой шторм точно нагнал. Поберегу себя для Челюсти, вот.

– Спорим, передумаешь? – усмехнулся Тайкен.

– Кто, я? Да никогда!

Разумеется, он передумал. Впрочем, к тому моменту, когда их «Танцующая тартанеллу», неспешно переваливаясь через волны, отошла на милю с четвертью от берега, об этом споре давно забыл и Тай.

– Ну, скоро уже?

– Нет, уже почти... – из-за оставшейся пока что длинной зыби сравнивать маяк с «палочкой-дальномерочкой», – как гордо поименовал свое изобретение Тайкен – было не очень-то с руки. – Где-то здесь.

– Тогда я пошел.

– Стой... – запоздало дернулся Тай, но его напарник уже обнял балластную каменюку и шагнул за борт. Чисто, почти без всплеска – доверяя Тайкен приметам, он бы мог решить, что погружение будет удачным.

На исходе же девятой минуты он был твердо уверен в обратном.

– Ва-а-а-а...

– Ума лишился? – почти крикнул Тай, помогая бледно-синему, в пупырушках, нырлящику перевалиться через борт «Танцующей». – Нырнул и пропал... жду-жду... думал, сейчас придется самому под воду лезть!

– У-у-у т-те-е-бя же не-е-е-ет а-а-аму-у-улета.

– А у тебя нет мозгов, – ожесточенно роясь в сумке, бросил Тай, – ну куда ты там сгинул, скажи? Деву Моря встретил?

– Та-а-ам ко-ора-а-а-абли!

– Что?!

– С-хо-о-оди по-о-осмотри! Н-нове-ехонькие п-причем. Ну т-тоесть, с-с-старинные.

– Так новехонькие или старинные?

Вместо вразумительной речи дрожащий Нюр скрестил руки, изобразив при этом ладонями нечто замысловато-запутанное.

– На, глотни.

– С-спасибо, – отстучал зубами по стеклянному горлышку бутылки напарник. – Ах-кха! Я-а...

– И не мешай.

Отвернувшись, Тай заученной скороговоркой пробормотал молитву. И, ощутив, как знакомо потеплел медный диск амулета, подхватил камень, выпрямился, с силой оттолкнулся от борта и ушел в воду словно клинок, почти без всплеска – как и напарник.

Корабли он разглядел почти сразу – амулет не только позволял дышать под водой, но и «подправлял» зрение.

Они стояли почти на ровном киле, прижавшись друг к другу – как и века назад. Почти не обросшие – наверно, именно это и пытался сказать Нюр, назвав их «новехонькими». Как это вышло, в каком сундуке хранил их Морской Старец? До шторма их не было здесь, даже кончик мачты из песка не торчал, а сейчас – два корабля, ну надо же!

Один большой, трехмачтовый... и трехдечный, мысленно добавил Тайкен, глядя на ряды черных прямоугольников. Княвдигед¹ в виде рвущегося вверх дракона, точь-в-точь как у модели в музее – а значит, перед ним был ликтский «бог войны», сто-или-больше-пушечный линкор. Все орудия правого борта были выдвинуты, и хотя мальчишка понимал, что видит всего лишь заросшие ракушками скелеты прежних грозных батарей... все равно стоять под их прицелом было жутковато.

Те, кто плавал на втором корабле, знали это не понаслышке.

Второй был раза в два меньше линкора. Обе мачты сбиты, надстройка испятнана дырами, проломы в палубе и борту – и Тайкен ни на миг не подумал, что причиной этих разрушений были пронесшиеся над морем века. Нет, именно таким этот корабль и ушел под воду – избитый хлещущими в упор залпами... намертво вцепившись абордажными крючьями в своего врага.

Под шеей ощутимо кольнуло – амулет напомнил, что прошла уже половина срока. Только сейчас мальчишка осознал, что уже добрых пять минут простоял на дне – и, выпустив, наконец, камень, поплыл вперед.

– Ну что там?! Что ты видел?!

Они поменялись ролями – теперь Нюр нетерпеливо ерзал по скамье, пока напарник пытался одновременно закутаться в драное полотенце и задохнуться глотком жгучего деревенского рома.

– С-с-сх...

– Ты их видел? А это что? Ай!

– Д-думаю, к-кинжал.

¹ Княвдигед – у парусных судов выдающаяся вперед верхняя часть водореза. (Здесь и далее примеч. автора.)

– Кинжал?

– Ну-у, к-кортик. Он б-был промеж ребер у о-одного с-скелета, – хрипло пробормотал Тайкен. – А в-второй сжимал его... сам видишь. Повезло еще, что только запястье отломилось, а не вся рука.

Нюр молча кивнул, не в силах отвести взгляд от полускрытых ракушками костяшек.

– Думаешь, это не простой клинок?

– А ты п-посмотри. Видишь, рукоять заросла, – Тайкен сделал еще глоток и снова закашлялся. – Зато на лезвии только песок да ил. Пяткой бью, не простая сталь у этого ножика. Вот, смотри...

Он потер свою добычу краем полотенца – и в самом деле, покрывавший лезвие налет сходил почти без усилий. А под ним...

Тай выронил кортик.

– Великий Огонь, – ошеломленно выдохнул Нюр. – Это же... ведь это же...

Часть первая

Анчаровые финики

Наш мир и достаток зависят от Божьего промысла и военно-морского флота.

Английский король Карл II (1660–1685)²

Год 1463-й ОС, 8-е менура, Таррим.

– Доброй зари, тан Диего.

Эти слова были произнесены вполне обыденным тоном, а прозвучали будто приговор – тому волшебному, радужно-зеленому, словно картины работы эльфийских мастеров... в общем, тому, что всегда остается за гранью сна. Как ни старайся в первые мгновения удержать в памяти ускользающее виденье, оно непременно уйдет, протечет, словно пролитое вино меж растопыренных пальцев. И останется от него ровно столько же – лизнуть, почувствовать вкус... но не больше. Обидно до жути.

– Доброй зари тебе, мерзкий старикашка.

Тот, к кому были обращены эти слова, неожиданно рассмеялся. Негромко – но и этого хватило, чтобы тан Диего приподнялся над подушкой, приоткрыл глаза – точнее, один, правый – и с удивлением посмотрел на стоявшего рядом с кроватью человека. Среднего роста, широкоплечий, длинные седые волосы стянуты в тугую пучок на затылке, в черных зрачках гарцует эскадрон смешинок. Даже те немногие, кто сумел бы угадать, что Вальдес Марратоа уже начал счет шестому десятку лет, вряд ли назвали бы его «старикашкой».

Для начала – большинству страх за целостность шкуры придержал бы язык.

– Чему ты смеешься?

– Я просто вспомнил, как впервые услышал этот ваш ответ, мой тан. Ровно девять лет назад.

– Разве? – удивленно переспросил Диего. – Мне казалось...

Он замолк, вспоминая. Тогда у вошедшего в его спальню мужчины седина едва пробивалась сквозь черноту, да и морщин было куда меньше. И назвать его мерзким старикашкой мог разве что тринадцатилетний мальчишка...

...для которого в мире, казалось, навсегда померк свет.

...и пока не знавший, что этот человек отныне заменит ему отца.

...а может, и станет чем-то большим.

– Мне казалось, это было целую вечность назад.

– Для юности так оно и есть, мой тан, – сказал Вальдес. – Кажется, будто время тянется неимоверно медленно. Это для нас, мерзких старикашек, все года выглядят одинаковыми, как потертые гвеллы.

– Неужели я не сумел разбавить эту одинаковость?

Марратоа изобразил глубокую задумчивость.

– Пожалуй что нет, мой тан. В сравнении с моей собственной порой возмужания последние годы были, хм, не слишком остры. Но, – добавил он, – также не могу сказать, что вы не старались.

– Что поделать, Валь, что поделать. На мою долю не выпало ни осады Фолти, ни Гильремара. Даже на Фапланский поход я опоздал повзрослеть.

² It is on the Navy, under the goon providence of God, that our wealth and peace depend (англ.) – эта надпись выгравирована на фасаде Королевского Военно-морского колледжа в Дартмуте.

– Пока не выпало, тан Диего. И поверьте, это не та вещь, о которой стоит печалиться. Ибо мир – ужасно непрочная штука. Да и в тихие годы возможностей лишиться головы лишь самую малость поменьше, чем в разгар большой королевской драки. Уж это вы теперь знаете ничуть не хуже меня.

– Да. Знаю.

Вальдес несколько мгновений испытующе смотрел на своего подопечного, а затем отступил на шаг и чуть склонил голову.

– Вставайте.

– В такую рань?! Но зачем?

– Тому, – отозвался слуга, – есть две причины.

– Назови хоть одну! – потребовал Диего.

– Завтрак ждет, мой тан.

– Завтрак – это недостаточно веская причина для покидания кровати в столь ранний час, – торжественно заявил Диего. – Вот если бы вместе с кофе и парой гренок меня ждала юная девица с виолоном, готовая усладить звоном струн...

– К сожалению, – сказал Вальдес, – мой тан, вам придется довольствоваться заменой.

– И кто же заменит прелестное создание и ее инструмент?

– Я и учебная рапира. Как обычно, мой тан.

– Почему-то я и не ждал ничего иного, – сев на кровати, Диего зевнул. – А вторая?

– Вторая?

– Только что ты сказал, что для подъема в эту несусветную рань у меня есть две причины. – Тан зевнул снова. – «Завтрак ждет» было первой.

– Кроме завтрака, мой тан, вас ждет тан Франсиско ги Леннек.

Диего как раз собрался зевнуть в третий раз, но последние слова Марратоа прогнали остатки сна ничуть не хуже ведра ледяной воды – метод, весьма часто практиковавшийся Вальдесом в первые годы их знакомства.

– Очень надеюсь, – медленно произнес Раскона, – ты не скажешь мне, что прямо сейчас Их Сиятельство герцог Нуарийский, первый министр Высокого Двора и, если верить слухам, самый могущественный человек в Иторене, тан Франсиско ги Молина ли Гадроке-и-Пеллет ги Леннек находится вот за этой дверью?

Впрочем, тут же сообразил Диего, в этом случае в руках у слуги вряд ли оказался бы зеленый листок, запечатанный двухцветным воском. Личная печать первого министра, надо же...

– Нет, мой тан. Он, – Марратоа осторожно подцепил ногтем воск, захрустел бумагой, – будет ждать вас в Белом Дворце после пятого рассветного гонга.

– Что ж, – отбросив тонкое одеяло, Диего спустил ноги с кровати, – вторая... проклятье, куда я дел чулки?

– Они на стуле справа, мой тан.

– ... причина весома. Стоило бы начать именно с нее.

– Позволю не согласиться, мой тан, – возразил слуга. – Тан ги Леннек, несомненно, очень, очень важная персона. Однако прежде чем явиться к нему, вы все же должны позавтракать.

– Знаешь, Валь, – Диего соскользнул на пол, вытянулся и принялся шарить рукой под кроватью, – за все эти годы я так и не понял одного. Как человек с таким потрясающим чувством юмора может иной раз оказываться столь же выдающимся занудой.

– Это взаимно, мой тан.

– В каком смысле? – удивился Диего.

– Я тоже не сумел понять одной вещи, мой тан, – невозмутимо сказал Вальдес. – За все эти годы я не понял, как вам удастся так глубоко загонять под кровать собственные тапочки.

В тот же день

Солнце прошло чуть больше половины своей привычной дороги к зениту, и его лучи уже досуха выпили ночную прохладу из городских камней. Даже гулкий звон четвертого рассветного гонга с трудом проталкивался сквозь колышущееся над булыжником зыбкое марево. Ну а жители славного Таррима старались вне домов перемещаться в каретах или портшезах. Желательно с «лесной прохладой» или «яблоневым садом» – отчего-то нынешним летом именно эти охлаждающие наговоры пользовались наибольшим спросом у столичной знати.

Прочие же горожане, из числа тех, кого милость Великого Огня взамен мирского богатства наделила какими-то иными благами, в эти часы на улице предпочитали не задерживаться. Даже нищих повымело – либо сползли к собору святого Кхайра, на площади перед которым пенная стена фонтанов дарует избавление от мук ничуть не хуже самих клириков, либо к монастырям Двух Сестер, где тенистый сад и бесплатная похлебка. Или в порт.

Впрочем... медный овал сверкнул, вращаясь, и негромко звякнул о мостовую. Рядом с багровой когтистой лапой, от которой даже в этот зной явственно веяло жаром.

– Бл`год`рствую, тан.

– Ты же обычно не вылезаете раньше полудня, – сказал Диего. – А сегодня чего стряслось?

– Э-э-э... – тоскливо протянул старый огненный демон. – Хозяйка выгнал. Гаварыт, мало деньга вчера принес, так ыды, сыды... э-э-э! Нэт покоя, адын бэда!

Он подобрал монетку и вновь принялся кутаться в одеяло.

Для этого бедолаги, подумал Диего, наша белая уличная пыль – все равно, что урсийская поэмка. Только вот из-под сапог она взлетает не в пример охотнее, а уж стоит прошелестеть ветерку...

– Валь, угадай, о чем я жалею сейчас?

– О том, что фиолетовый камзол еще не вернулся от портного? – предположил Марратоа.

– Нет, с этим я уже смирился, – вздохнул Раскона. – Сейчас же я сожалею, что не родился женщиной.

– Интересное желание, – Вальдес улыбнулся. – В чем-то даже парадоксальное.

– Вовсе нет. Вуаль, мой друг, вуаль. Согласись, нашим с тобой шляпам сейчас была бы кстати эта деталь.

– Тогда уж, мой тан, вам стоило бы родиться в Асадобаде.

– И носить паранджу? – пробормотал Диего. – Что-то в этом есть... хотя... там ведь еще жарче?

– Говорят, что так и есть. Сам я, как вы помните, не вдохновился тамошним гостеприимством.

– Ты же говорил, что тюремщик подставил свою шею только на десятый день.

– На девятую ночь, – мягко уточнил Вальдес. – Но это не меняет сути дела. Темницы, мой тан, схожи меж собой: в Асадобаде, в Иторене, в Кумберлянде, везде и всегда узнику предоставляется лишь темнота, цепи да помои. И сырость, – добавил он, – особенно, когда тюрьма строится неподалеку от порта.

– В этом тебе повезло.

– Я склонен полагать, что соседство это не было случайным, – сказал Вальдес. – Живой товар доставляют на кораблях. Вдобавок, бухта Золотого Копыта – база галерного флота.

– Понимаю. Их экипажи тоже нужно где-то держать... и, желательно, поблизости.

– Удачей же, – после недолгой задумчивости произнес Вальдес, – было, что в порту нашлась скаффа.

– И что ее капитан рискнул взять беглеца на борт.

– Криняне, – слегка усмехнувшись, сказал Марратоа, – хоть и числятся подданными Падишаха, но ассанам не стоит поворачиваться к ним спиной. Иначе в этой спине может ненароком оказаться три дюйма доброй стали.

– Я слышал, что с криньянами и остальным не стоит оставлять без внимания свой, хе, тыл.
– Верно, – кивнул слуга. – Но лишь отчасти. Это в основном касается горцев с побережья. Островные же криньяне, насколько я их успел узнать, косо смотрят на любителей подобных игр. И если, мой тан, вам случится оказаться среди них, то я бы рекомендовал не поворачиваться лицом к их девушкам.

– Они настолько уродливы?

– Они настолько прекрасны, – в голосе Марратоа послышалась нотка то ли мечтательности, то ли тоски. – И одними лишь глазами ранят сердце ничуть не хуже, чем их братья – своими клинками.

– Что ж, – Диего коснулся груди, словно проверяя, не достал ли его за два моря разящий взгляд красавицы-кринянки. – Спасибо за предупреждение, Валь. Я... постараюсь как можно скорее обзавестись броней от подобных клинков.

– Мудрецы всего мира не придумали еще такой брони, мой тан.

– Однако, – возразил Раскона, – мне доводилось читать, как медальон с ликами Сестер... или же платок со слезами той, кому обещано...

– Читать... – протянул Вальдес. – Читая, мой тан, надо быть разборчивым, ибо мудрости в книгах, как и в жизни, намешано поровну с глупостью. И иной раз оказывается, что Две Сестры – высоко в небе, и та, которой клялся в любви – далеко за волнами, а черноокая красотка рядом, здесь и сейчас. Из плоти состоит человек, мой тан, и плоть эта – слаба.

– Но вера – сильна! – запальчиво произнес Диего. – И слово чести тана – тверже камня.

– Если бы все было так просто...

– А все и есть просто, Валь, – уверенно сказал Раскона. – Проблема лишь в привычке человека делать вещи сложнее, чем они являются на деле.

– Сейчас вашими устами говорит юность, мой тан.

Произнеси эти слова кто иной – и Диего пустился бы в спор со всем пылом упомянутой юности. Но с Вальдесом, как он преотлично знал, подобное было бы глупостью – слишком редко его слуга и наставник пускал этот аргумент в ход и слишком часто в итоге оказывался прав.

Точнее – всегда.

Марратоа остановился и, чуть наклонив голову, коснулся края шляпы. Диего с удивлением заметил, как в ответ на это приветствие в окошке проплывающего мимо портшеза мелькнули белые кружева – то ли платок, то ли веер.

– Не знал, что ты знаком с таной... – Раскона нахмурился, вспоминая имя. Герб на дверце портшеза он, да и любой тарримский мальчишка, знал хорошо. Слишком хорошо, чтобы именовать его обладательницу иначе, как...

– ... с таной магистром Алой Розы.

– Этому знакомству много лет, – голос Марратоа не дрогнул и с шага он не сбился. Но Диего знал своего наставника и потому готов был поклясться – сейчас тот видел перед собой не стиснутую серым ноздреватым камнем улочку, а что-то другое. Пролетевшие годы?

– В те времена танессу Францеску чаще представляли как «дочь адмирала ги Алава», чем «лучшая ученица первого курса Кристы».³

– Валь, иной раз мне кажется, что ты старше тройных сан.⁴

– Неужели я похож на эльфа?

– Это тебе лучше знать, Валь, не мне, – усмехнулся Диего. – Из нас двоих лишь тебе выпадало лицезреть длинноухих вживую, а не в виде плохонькой гравюры. Вдобавок...

³ Имеется в виду Высшая Школа Прикладной Магии Сан-Кристобаль.

⁴ Тройной сан или мардукарий – монета высокопробного золота, чеканившаяся Эстером Вторым (1245–1273 ОС).

Раскона осекся. Улочка закончилась – резко, словно ее обрубили ударом топора. И хотя Диего шел этой дорогой далеко не в первый раз, все равно у него снова и снова захватывало дух, слишком уж значительным был контраст. Всего лишь один шаг – и серые стены остаются за спиной, а вокруг простор Площади Трех Героев. Красная громада храма святого Педро Сангре справа, Белый дворец – слева, ну а между ними, если верить легенде, два полета ядра. Дед нынешнего монарха недаром заслужил добавку «Предусмотрительный»: наблюдая за тем, как сменилась династия в соседнем королевстве, он здраво рассудил, что ядро в окно спальни – далеко не самый лучший подарок.

– Идемте, мой тан. Осталось не так много времени, а Их Сиятельство не терпит опозданий.

– Валь, как тебе удастся оставаться равнодушным к этой красоте?

– Я не замечаю ее, – пояснил слуга. – Эти желтые плиты... по мне, слишком похоже на пустыню. А я не люблю пустынь – там нет ничего хорошего.

– В самом деле?

– Поверьте ветерану ливорнийского похода, мой тан. В этих проклятых Великим Огнем землях встречаются только змеи, скорпионы, мантикоры да кочевники. А мест, населенных одними лишь злобными тварями, в мире немного. – Впрочем, – спустя десяток шагов добавил Марратоа, – в Белом Дворце самые ядовитые пустынные гады не прожили б и часа.

* * *

– Тан Диего Раскона?

В первый момент Диего решил, что к нему обращается слуга – слишком уж вычурным был желтый камзол стоявшего перед ними человека. Вдобавок, эта шляпа с белой лисьей опушкой... до сегодняшнего утра Раскона был уверен, что столь вульгарный наряд мог выдумать только лакей, получивший от своего господина пригоршню золотых «на приодеться».

Однако лакеи обычно не таскают за поясом длинных шпаг... и уж тем более не украшают их эфес гербом ги Морра, далеко не последнего в королевстве рода.

– Да.

– Следуйте за мной, – сухо бросил ги Морра. – Вас ждут... одного.

– Но...

– Я найду вас, мой тан, – быстро шепнул Марратоа. – Не стоит беспокоиться.

Раскона хотел было пошутить, что ничуть не сомневается в способности Вальдеса найти своего подопечного хоть в Нижних мирах, а беспокоится о сохранности дворца в процессе поиска. Но желтый камзол уже ступил на лестничный мрамор, а упускать его из виду Диего не рискнул. Конечно, во дворце сложно заблудиться, но гораздо труднее не стать всеобщим посмешищем, если все же сумеешь это проделать.

Ги Морра шел быстро – коридоры Белого дворца были почти так же пусты, как и площадь перед ним. С той лишь разницей, что здесь вместо звонкого журчания фонтанчика тишину нарушал слитный скрип множества перьев, доносящийся из распахнутых настежь дверей. Выглядит по-школярски, подумал Диего. Да, именно так: старший наставник Веланн тоже любил незаметно – как он верил – прошлепать вдоль коридора и заглянуть, не предаются ли его подопечные недозволенным занятиям... вроде лени. Что ж, в каждом трюме свои крысы. Король... точнее, Ее Величество королева-мать наполняет Эстрадивьяну толпами придворных, кардинал Басиль, по слухам, предпочитает, чтобы его подчиненных не было видно и слышно. Впрочем, те же слухи утверждают, что Башня Светлого Меча выглядит пустой лишь днем, дабы лишний раз не опечалить Отца-Солнце видом тамошних работничков. Графу же ги Карталь в высшей степени плевать, как проводят время его клерки: работают в поле лица или спускают казенные деньги в веселых домах – главное, чтобы баланс правильно сходился. А поскольку

чутье на «грязные цифры» у главы казначейства такое, что глазам порой не веришь... Раскона на миг сбился с шага, снова вспомнив, как ги Карталь брезгливо отодвинул гроссбух, в котором едва успел бегло глянуть несколько страниц. «Куча дерьма. Не знаю, на что надеются эти болваны, подсовывая мне это, но здесь зарыта недостача по меньшей мере на двадцать тысяч дукариев. Раскопайте кучу, Муэрия, и найдите мне эти деньги!». Интересно, догадывался ли тогда граф, за хвост какого змеиноного клубка он собрался дергать?

Следом память сдала Диего карту стычки в переулке: ночь, стук дождя, один убийца скорчился у стены в напрасной попытке запихнуть назад содержимое распоротого брюха, труп второго распластался в луже, а еще двое растворились в темноте, Князь Ночи укрыл своих псов плащом. И в переулке остались только Диего, не получивший ни царапины в скоротечной схватке, и Васко Муэрия с порцией свинца под сердцем.

«Главное – не позволяй им убить себя так же глупо!»

Что ж, эту просьбу ему выполнять удастся... пока.

Раскона вдруг понял, что их путешествие по Белому дворцу продолжается не меньше пяти минут и за это время они довольно сильно удалились от центральной части здания – в которой, как считалось, не смыкает глаз на благо родины Их Сиятельство герцог Нуарийский. Коридоры становились все уже, с дверей пропали вычурные завитушки...

– Далеко еще?

Ги Морра не удостоил его ответом, даже не обернулся – и Диего взялся за эфес, словно придерживая шпагу.

– Нет.

Снова лестница, на этот раз узкая, винтовая. На такой удобно держать оборону – сколько бы ни было нападавших, драться будет лишь первый, остальные даже пистолеты в ход пустить не смогут. Да и со шпагой тут не очень развернешься, больше подошло бы что-нибудь короткое. Свет – не обычные факелы, а свечи голубого пламени. Копоти от них нет, и гаснут они разом, стоит лишь сказать Слово Освобождения – а в темноте с легкостью можно будет протанцевать Аркольский балет.⁵ А может, и танцевать не придется. Просто из этих железных, с множеством круглых отверстий ступеней вдруг вырастут шипы, и те, кто поднимался по этой лестнице, разом пожалеют, что вообще родились.

Если это ловушка... ход был бы изящный, признал Раскона. Правда, ги Карталь уверен, что заговор полностью разгромлен. Однако всеведение – достоинство лишь Великого Огня, никак не главы казначейства, полагать иное было бы ересью. Кого-то могли не выдать даже при магическом допросе и под пытками. Мог вернуться кто-то из бежавших за границу. И потом, у заговорщиков были друзья, родственники, в числе которых вполне могли найтись не только жаждущие мести глупцы, но и люди похитрее. Например, этот ги Морра. Кажется, Аугусто Саваль, тот, что положил трех стражников, пытаясь прорубиться из окруженного дома, приходился кузеном кому-то из ги Морра. Ну и, наконец, всегда остается золото, лучшая на свете магия, ибо не придумано заклятья, действующего на людей вернее звона монет.

Право же, подумал Диего, очень жаль, что у меня при себе нет чего-нибудь короткого и...

Лестница закончилась, желтый камзол неожиданно юркнул в сторону и тан едва не уткнулся носом в оскаленную пасть полковой эмблемы на перевязи гвардейца-валхака.

...вроде кордов на поясе этого громилы.

– Кто и пошто?

Поскольку ги Морра и на этот раз медлил с ответом, Диего решил проявить инициативу.

⁵ В 1127-м, во время бала в Аркольском замке рухнула люстра. Когда свет появился вновь, король Жангро и трое высших придворных уже были мертвы. Убийца – или убийцы – так и остались неизвестными, но принято считать, что король пал от рук эльфов.

– Тан Раскона, – протянул он гвардейцу зеленый листок, – по личному приглашению Его Сиятельства.

Наклонившись, валхак принялся изучать печать, затем вновь выпрямился и смерил тана взглядом, явственно говорившим: «Ходят тут всякие... будь моя на то воля...»

Ответный взгляд Раскона ничуть не менее явно сообщал: «Как же я рад тебя видеть!»

Действительно, присутствие гвардейца развеивало все подозрения тана столь же основательно, как заклятье архимага – призраков низших уровней. Если желтый камзол имел шанс оказаться родичем заговорщиков, другом или просто подкупленным, то солдат личного полка Его Сиятельства – никогда. Полудикие горцы из «Нуарийских волков» признавали лишь одного господина.

– Идите же, – нервно произнес ги Морра. – Вас ждут, – и, видя, что Раскона колеблется, повысил голос: – За этой дверью. Шляпу отдайте мне.

«Так просто?!» – едва не выкрикнул вслух Диего. Один стражник, дверь – и ты попадаешь к самому могущественному – после юного короля, разумеется – человеку в государстве?!

– Идите!

«Раз-два-три-и-прочь напасти, слуги Темного, не сглазьте...» – бормотать этот детский оберег было, наверно, глупо, но ничего другого Раскона в этот миг не вспомнил. Он просто вдохнул, словно готовясь к прыжку в глубину, побольше воздуха, взялся за ручку двери – медную, в виде птичьей лапы и неожиданно теплую – и вошел.

Помещение, в котором он оказался, было на удивление мало. Четыре шага в ширину и от силы восемь – от двери до узкого шкафа рядом с окном. Похоже, меня завели в крыло для прислуги, успел подумать Раскона, ну а затем склонившийся над столом человек аккуратно положил перо рядом с чернильницей и поднял голову.

– Итак, – с легким сарказмом осведомился он, – это вы тот самый отличившийся юнец из казначейства, что жаждет обменять повышение в чине на пять минут беседы со мной?

До сегодняшнего дня Диего всего пять раз довелось видеть первого министра Высокого Двора. И потому сейчас ему потребовалось изрядное усилие, чтобы сопоставить образ роскошного вельможи, ослеплявшего всех вокруг блеском подсвеченных «искрами фей» бриллиантов, и человека в простом черном с серебром камзоле. Без пышного придворного парика и слоя пудры ги Леннек выглядел осунувшимся и на добрых пятнадцать лет старше.

– Ваше Сиятельство, тан... – начал Раскона – и осекся, заметив, как недовольно дрогнул позумент на плече.

– Не надо, – устало сказал герцог Нуарийский. – Если я начту тратить время на все полагающиеся церемонии, Иторен просуществует дней десять. А потом старая повозка разлетится в щепы. Садитесь.

Кресло было глубоким, с высокими подлокотниками. Опускаясь, Диего на миг оперся на них и едва не вскрикнул – черное лакированное дерево было выпачкано чем-то холодным и липким.

– Что сморщились, как мартышка? – заметил его гримасу герцог. – Покоробило сравнение нашей великой державы с дряхлой телегой?

– Нет, Ваше Сиятельство. Уверен, вы лучше других знаете, чем приходится управлять.

– Управлять?! Да вы изрядный шутник, тан Диего. Я лишь пытаюсь не дать королевству развалиться. Тут гвоздик забил, там веревочку подвязал. Но проблема в том, что мы не стоим на тихой улочке! Мы мчимся с бешеной скоростью, а дорога в камнях и ямах.

«И мы далеко не одни в этой гонке», – добавил про себя Раскона, одновременно пытаюсь незаметно вытереть ладони о полу камзола. Получалось неважно, серебряная мишура лишь царапала кожу. «Рядом несутся другие – и каждый не упустит случая подкинуть лом в колесо... или дротик в спину».

– Итак, – снова произнес тан Франсиско ги Леннек, упираясь в подлокотник и с любопытством глядя на Диего, – чего же вы хотели просить именно у меня? Место при дворе? Денег? Отвечайте по возможности короче.

– Фрегат, Ваше Сиятельство! – выдохнул Диего.

«Вот и все, – подумал он. – Шаг сделан и осталось только пройти по этой дороге до конца».

– Так... – герцог провел пальцем по щеке, словно пытаясь утереть невидимую слезинку. – Похоже, коротким наш разговор не выйдет. Но, по крайней мере, удивить меня вы уже сумели.

Отвернувшись от гостя, он выудил из-под горы свитков несколько листов бумаги, сцепленных меж собой шнуром, положил их на стол и взялся за перо.

Шнур был цветной, вернее, разноцветный. Диего сумел различить желтую и серебристую нити, после чего логично предположил, что третья нить имеет медный оттенок. А значит, лежащий перед герцогом экстракт рожден в недрах родного казначейства. И почти наверняка повествует о преступлениях некоего Диего Раскона, двадцати двух лет от роду, крови чистой, прямых родственных связей с еретиками не имеющего...

– Ги Карталь хорошего мнения о вас, – министр произнес эти слова с легким удивлением. – Редкий случай. Потому я и решил потратить на вас время. Жаль будет, если мы с ним ошиблись.

– Ваше Сиятельство, я наде... я уверен, что вам не придется сожалеть о своем решении.

– Уверены? – герцог наклонился чуть вперед. – Хорошо, если так. Что ж...

У Раскона вдруг пересохло во рту. Он попытался сглотнуть – и зашелся в приступе сухого, лающего кашля.

– Вы что, больны?

– Нет, Ваше Сиятельство, – выдавил Диего, – совершенно здоров!

Кончик пера в руке герцога проплыл над бумагой... замер...

– Ваша семья погибла от рук пиратов?

«Это здесь ни при чем! Прошлое осталось позади!» – крикнул Раскона... беззвучно. Кричать было нельзя.

– Да, Ваше Сиятельство. Бешбеши... воспользовавшись ненастьем на море, проскользнули мимо береговой охраны, высадились и пошли в глубокий рейд. – Герцог молчал, и Диего рискнул продолжить. – Наше поместье было почти в ста лигах от моря, и никто не думал, что пираты могут оказаться так далеко. Только эти бандиты...

Он вновь закашлялся – пить хотелось просто неимоверно, в горле словно развели костер.

– ... эти бандиты оказались жадны и глупы, Ваше Сиятельство. Зашли далеко на сушу и не успели вернуться. Их нагнала конница, «жуки».

Вскоре после обеда. А когда он увидел это поле, был вечер. На-десятник, рыжий крепыш с длинными, как гномья борода, усами, точь-в-точь настоящий жук, взял его к себе в седло. «Пусть посмотрит! – велел офицер, может, ему станет легче, когда он увидит!» Пусть....

Это было пшеничное поле, вернее, два поля – дорога разделяла их, и бешбеши шли по ней, когда из-за леса вылетели конники. На галопе, с ходу разворачиваясь в линию, «крылышки жука» на плечах подняты, и ветер свистит в них, пронзительно, жутко. Мало кто способен, заслышав этот звук, удержать на месте сердце и печеньку. Вот и в тот раз большая часть пиратов сразу бросилась в хлеба, в безнадежной попытке найти спасение среди желтых колосьев, лишь несколько десятков сгруппировались на дороге в жалкое подобие каре. Этих скосили пули, всех разом, каждый «жук» имеет при себе карабин и четыре, а то и шесть пистолей. На тех же, кто убегал, пули не тратили – длинные изогнутые мечи кавалеристов могли разрубить человека наискось, от плеча до пояса... или заставить череп расплескаться гнилым арбузом. Ну а тем, кто спасался от клинка, обнимаясь с землей – тем доставались подковы.

Все это Диего понял уже потом, когда линейка наставника начала вколачивать в его плечи азы военной науки. В тот вечер он просто смотрел с высоты седла на раскиданные по полю тела. Это было странно – умом он понимал, он уже был достаточно взрослый, чтобы осознать: да, эти ворохи окровавленного тряпья, пожила мух и стервятников – те самые демоны смерти, что прошлой ночью мелькали в отсветах пожара отцовской усадьбы. Разум был готов это принять, а вот сердце...

Пожалуй, «это здесь ни при чем» было все же неправдой. Не совсем правдой.

– И никто не ушел?

– Я был там, Ваша светлость, я видел. – Диего сам удивился собственному ровному тону, словно бы он докладывал о какой-то незначительной пограничной стычке. – Ближайшая роща была в двух лигах. Никто из них даже четверти этого расстояния не пробежал.

– Что ж... – задумчиво повторил тан Франсиско ги Леннек. – Действительно... вы там были.

Зависшее над листом перо дрогнуло и двинулось дальше.

– Незначительные способности к магии, но с потенциалом – это что? – неожиданно спросил министр и, встретив непонимающий взгляд Раскона, пояснил: – Насколько незначительные и что за потенциал?

– В храме на Испытаниях было установлено, – торопливо произнес Диего, – что мне доступны заклинания низшего и первого-среднего уровней. Но проводивший Испытания святой брат заметил, что мне легко дается плетение составных заклятий, хотя я и не могу использовать их с надлежащей силой. Он сказал, что с подобным складом ума я мог бы попытаться достигнуть высот в Теоретической Магии.

– Но к тому времени ваш второй опекун уже добился, чтобы вас вписали в реестр «Саламаники», – герцог, видимо, уже успел прочесть несколько последующих абзацев. – Сколько вы там прослужили? Год?

– Год и три месяца, Ваша светлость.

...и девять дней, мысленно закончил Диего.

– А затем подали рапорт о переводе. Из гвардейской кавалерии – в пограничные егерей. Причем до нового места службы добирались целых... так что же было причиной, настоящей? Дуэль? Ну же.

– Не смею лгать Вашей светлости, но...

– Если я захочу, чтобы вы, тан Диего Раскона, исчезли, – ворчливо произнес герцог, – мне вовсе нет нужды притягивать эдикт, в одной лишь столице нарушаемый двадцать пять раз в будний день и вдвое чаще – по праздникам. Поверьте: вы бы без всякой магии просто растворились в воздухе, не вставая с этого уютного кресла. Так что... куда вас ранили-то?

– В левый бок, Ваша светлость. Я выехал на следующий день, но как оказалось, пуля занесла в рану ключья рубашки, началось нагноение, и как на грех, ни одного нормального клирика в округе.

– Насколько известно мне, – сказал ги Леннек, – без магического вмешательства подобные раны обычно заканчиваются гангреной и погребальным костром.

– Меня спас мой слуга, Ваша светлость. Он хоть и не врач, но кое-что умеет. – Диего заколебался, понимая, что не всякая откровенность может прийти по душе министру. – На войне благодать Великого Огня не всегда доходит до простых солдат.

– На войне, – медленно произнес герцог, – случается умирать не только солдатам.

Раскона запоздало вспомнил слух, согласно которому знаменитая величая походка герцога на самом деле продиктована особой обувью с подошвами разной толщины, а обувь эта в свою очередь своим появлением обязана неизвестному полковому клирику, торопливо и неумело срастившему кости ротмистра ги Молина. Очень может быть, что в этом слухе правды было куда больше, чем в прочих.

– Итак, егеря. Восьмой полк, «камышовые тигры», север провинции Гадрок... та еще дыра.

Диего не понял, обращался ли министр к нему или просто рассуждал вслух – и на всякий случай решил промолчать.

– Хотя, конечно, зачастую именно в таких дырах и не приходится скучать. Вдали от властей народ все больше своевольный, на руку скор и нечист. По крайней мере, карьерный рост у вас, тан Диего, в этой глуши начался весьма стремительный. Старший патруля... командир поста... начальник участка... ну-ка! – Перо упорхнуло в сторону, когда разом посерьезневший герцог склонился над бумагой. – Инцидент в Шато-де-Абрене! Так это были вы, тан Раскона?!

Диего посмотрел на стену. Зеленый с красным старинный гобелен явно не таил в себе подсказки на тему: что же ответить тану министру?

– Я помню эту историю, – сообщил герцог и неожиданно для Диего широко улыбнулся. – Посол Фрязии два дня ходил с видом проглотившей гнилой фрукт обезьяны. Зато ги Карतालь буквально лучился от удовольствия, разве что не мурлыкал. Он ведь тогда и обратил на вас свое внимание, не так ли?

Диего поколебался еще немного – и все же решился.

– Ситуация была крайне тяжелой, Ваша светлость, – начал он. – Позволю себе сказать, речь шла отнюдь не об одних лишь дукариях винного акциза, судьбой коих был так озабочен тан ги Карतालь. Если бы дело было в простой контрабанде... но люди слепли от этой алхимической дряни, дети рождались калеками, уродами.

– И тогда, – министр положил на стол руки и принялся постукивать кончиками пальцев друг о друга, – в одну, вне всякого сомнения, прекрасную ночь вы и ваши люди пересекли границу и вошли в город...

– Городок, Ваша светлость.

– ... коронный, заметим, город, в котором было сожжено два завода, три склада и примерно сорок человек. Полагаю, будучи нераскаившимися грешниками, все они нашли свою смерть в огне, будучи еще живыми?

– Чуть больше половины, Ваша светлость. Прочие же перед лицом смерти раскаялись, исповедались в грехах и уже в качестве обращенных еретиков были удушены сержантом Гимором. Нет, прошу прощения, – после короткой паузы продолжил Диего, – удушено было только трое, затем у сержанта устали руки, поэтому остальным просто перерезали горло. Грех, конечно же. Но, Ваша светлость – мы точно знали, за кем идем. Все они были главарями местных шаяк контрабандистов.

– А вы были частью армии Его Величества. И когда армия в лице, – министр желчно хмыкнул, – такой вот своей части переходит границу, врывается в чужой город и оставляет после себя огонь и смерть... знаете, как это называется, тан Раскона? Повод к войне, нет, клянусь Темным, это и есть война!

– Ваша светлость...

Неужели все, подумал Диего. Нет, это было бы слишком просто. Да и вообще – не может быть, чтобы первый министр Высокого Двора не получил подробнейший доклад – или донос – об этом деле на следующий же день после их возвращения.

– ... я и мои люди были в гражданской одежде... фряжской. Я тщательно проследил, Ваша светлость – никто не имел каких-либо примет, способных указать на подданных Его Величества. Даже если бы вылазка окончилась провалом...

– Хороший некромант, – сказал герцог, – с легкостью нашел бы полную тележку примет.

– Но Магия Мертвых запрещена во Фрязии, – возразил Диего. – Конечно же, светские власти еретиков преследуют некромантов далеко не столь рьяно, как наши святые братья, но, Ваша светлость, мне представлялось... представляется невероятным, чтобы посол Фрязии осмелился предъявить полученные с ее помощью доказательства. На самом деле, Ваша свет-

лость, – добавил он, – я был уверен, что излишне тщательное расследование этого дела будет невыгодно их властям еще в большей степени, чем Иторену.

– Тут вы угадали, – ги Леннек, нахмурившись, взглянул на шкаф справа от стола, – ле Вароль всего лишь «выразил глубокую озабоченность излишне напряженной обстановкой». В очередной раз. Но все равно... неужели вы, Раскона, не понимали, что стоит чиновникам из Канцелярии Покоя лишь захотеть, и ваши торговцы зельем разом бы превратились в почтенных винных мастеров?

– Если очень захотеть, Ваша светлость, – медленно произнес Диего, – то хоть в Шато-де-Абрене, хоть на главной площади Риены нашлись бы следы даже «Красных Драконов», а не каких-то там пограничных егерей.⁶

После этой фразы в кабинете на некоторое время наступила тишина.

Будь здесь Марратоа, подумал Диего, наверняка бы... наверняка бы – что? Укоризненно качнул головой и заметил, что никто не разговаривает в подобном стиле с королевскими фаворитами? А может...

– Интересно, с Элиасом вы общаетесь подобным же образом? – нарушил затянувшуюся паузу герцог. – Нет-нет, это вопрос не вам. Он для тана коронного казначея. Что же касается вас, тан Диего...

Ги Леннек перевернул лист. Вторая страница экстракта была заполнена лишь на четверть – дальше бумажную желтизну нарушал только жирный кругляш большой печати, рядом с которым Диего различил красный оттиск. Очень знакомый: именно этот перстень-печатку месяц назад вручил ему разбуженный посреди ночи ги Карталь.

– ...и вашей просьбы. Как я понимаю, до сегодняшнего дня вы никоим боком не касались королевского флота?

– Да, Ваша светл... – закончить фразу Диего не дал очередной приступ кашля.

– И с чего же вы решили продолжить свою карьеру на море? – осведомился герцог. – Врач порекомендовал вам совершить морское путешествие для смягчения буйного нрава? Или просто увидели вещий сон? Отвечайте же, ибо я пока не вижу никаких причин, способных вызвать у вас подобное решение... а равным образом не вижу повода удовлетворить вашу просьбу.

– Ваша светлость, я много думал...

– Похвальное занятие, особенно для юноши. Полагаю, вы предавались этому занятию на службе?

– Совершенно верно, – звенящим от напряжения голосом отчеканил Диего. – Именно служба в казначействе и стала причиной моей просьбы!

– Вот как...

– Ваша светлость, – не выдержав, Раскона буквально выпрыгнул из кресла, – прошу вас, поверьте: единственное, что движет мной, это желание принести как можно большую пользу королевству!

– В таком случае вам следует оставаться у ги Карталья, – сказал герцог. – Ясно ведь: будучи одним из его лучших людей, вы сможете сделать для Иторена куда больше, чем в роли капитана без всякого опыта мореплавания, не имея нужных знаний... боюсь, вам будет очень трудно стать хотя бы неплохим капитаном.

– Ваша светлость!

«Успокойся, малыш!»

⁶ Раскона намекает на т. н. Майтякинский инцидент, послуживший поводом к Осенней Войне (1381-й ОС, другое название – Виноградная Война, или Война за винный урожай). Фрязия до сих пор утверждает, что летние лагеря гвардейского жандармского полка «Черных голов» находились в соседней провинции, а обнаруженные на улицах уничтоженной деревни трупы в форме фряжских гвардейцев принадлежат людям, никогда в указанном полку не служившим.

Диего с огромным трудом удержался от взгляда за плечо. Голос, раздавшийся у него в голове, казался незнакомым, но за всю его жизнь лишь два человека называли его малышом. Вторым был Вальдес Марратоа...

...а первым – отец.

Раскона отступил от стола и сел.

– Больше всего для Иторена, – начал он, – я могу сделать, если займусь борьбой с пиратством в заокеанских владениях Его Величества. Таково мое твердое убеждение, Ваша светлость. Пока еще не стало слишком поздно.

– Вам что, так надоело читать жалобы из колоний? – ехидно спросил министр. – Занятно. Ведь согласно составленным в вашем же ведомстве сводкам, убытки нашей заморской торговли от пиратов не столь уж значительны. Три процента, кажется?

– Три и семь десятых, Ваша светлость. Конечно, это не так много, ведь пираты пока не опасны галеонам Золотого Флота. Но если смотреть на корабельные списки, все становится не так уж безоблачно – каботаж в колониях почти не прирастает, Ваша светлость, это слишком опасное, а значит, невыгодное дело. Там же, где к берегам не пристают наши торговцы, бросают якорь контрабандисты.

– За торговлю с еретиками можно поплатиться.

– Ваша светлость, даже в Гадроке я повидал множество людей, уверенных, что Высокий Закон далеко, а дешевые заграничные товары – рядом. А ведь это провинция Иторена, а не заморская колония.

Что-то мелькнуло в глазах ги Леннека при этих словах. То ли раздражение, то ли... смущение?! Быть может, герцог Нуарийский вспомнил собственную провинцию? Деньги не пачкают руки, даже когда источник их далек по чистоте от горного ручья.

– И еще, – добавил Раскона, – пираты всего лишь струйка дыма над готовым полыхнуть костром. В случае войны к ним присоединятся охотники за призами, а наш флот...

– Вполне способен решить эту проблему, – холодно произнес герцог. – У нас прекрасные корабли, по числу линкоров мы уступаем только ликтам, а...

– В том-то и дело, что по числу! – Диего старался говорить в тон ги Леннеку: спокойно, рассудительно, веско. – В погоне за числом закладывается один киль за другим, а когда эти наши прекрасные корабли сходят на воду – тут-то и начинается экономия! На жаловании офицеров, на пороше для учебы... буквально на всем.

Герцог медленно поднялся из-за стола и, заложив руки за спину, встал сбоку от окна.

– Возможно, вы в чем-то и правы, – глухо произнес он, глядя на искрящийся танец пылинок. – Но правда похожа на игральные кости – у нее много сторон. Вы в вашей башне из серого камня представления не имеете о том, какие бои с генеральными куриями мне приходится выдерживать за каждый выжатый налоговой давилкой медяк. И эти гвеллы в первую очередь идут, разумеется, в армию.

Министр на миг замолчал, а затем продолжил – с оттенком горечи, как показалось Диего.

– Конечно, будь мы в состоянии содержать достойным образом еще и флот...

И тут Раскона все-таки не выдержал!

– Если не в состоянии, – резко сказал он, – то незачем лезть за моря и приобретать колонии. Все равно их отнимут. Но если колонии дают двадцать миллионов сан годового дохода при тридцати миллионах в общем, тогда надо заниматься флотом и плюнуть на армию! Ваша светлость!

– Вот как... – протянул ги Леннек. – Занятно.

– Ваша свет... – начал Диего и осекся, повинуясь короткому жесту герцога.

– Выходит, вы мечтаете, ни много ни мало, изменить всю политику Иторена. Перевернуть с ног на голову. Отдать все лучшее морю... а как потом прикажете защищать интересы нашего королевства на континенте? Мы ведь, в отличие от некоторых, не на острове расположились!

Ну же, что молчите? – уже с раздражением добавил министр, видя, что Диего не решается заговорить. – Отвечайте!

– Ваша светлость, я считаю, что, владея морем, наше королевство располагало бы не меньшими, а большими возможностями для защиты своих интересов на континенте. Понимаю, это звучит немного парадоксально, но я...

– «Немного», – герцог подошел к шкафу, скользнул взглядом по золоченым корешкам. – Сколько у вас было по философии, тан Раскона? Или надо спрашивать про софистику?

– Но, Ваша светлость, ведь это же очевидно! Если бы наш флот господствовал у берегов Кумберлянда в последнюю войну, не было бы нужды проталкивать войска по Иторенской дороге, давно уже превратившейся в узенькую тропку. Поговорка «Доставить пикинера в Кумберлянд» наверняка ведь дошла и до ваших ушей?⁷ А чего стоили бы приморские крепости, лишенные снабжения с моря?

– Флот не берет крепости сам по себе, – возразил министр.

– Берет, и вы это... – Раскона оборвал фразу, но слишком поздно: теперь даже дурак смог бы договорить за него. А первый министр дураком не был совершенно точно.

«...и вы это превосходно знаете, Ваша светлость!»

Почти с тем же успехом он мог бы просто сказать: вы лжете, герцог! На прокаленных солнцем столичных улочках шпаги покидали ножны и по меньшему поводу.

Герцог отошел от шкафа, опустил обратно в кресло... наклонившись, выдвинул ящик... достал большую, в медной окантовке лупу и посмотрел сквозь нее на Диего. Тот попытался удержать истерический смешок – но не сумел.

– Я удивляюсь вам все больше и больше, – произнес ги Леннек. – В настоящий момент меня поражает ваша скромность. Да-да, не хихикайте. При столь радикальных взглядах вы готовы удовольствоваться всего-навсего единственным фрегатом.

– Будь я герцогом крови лет пятидесяти, Ваша светлость, – сказал Раскона, – я просил бы флот. Но мне двадцать два и потому я прошу всего лишь фрегат.

– Всего лишь... – проворчал министр, – звучит, будто вы крайне недовольны своим нынешним статусом, тан секретарь второго класса.

– Осмелюсь напомнить, Ваша светлость, что Арквен Голисийский в восемнадцать командовал полком, а в двадцать два – левым крылом армии.

– А в двадцать шесть стал святым, – министр выразительно глянул на потолок. – Вы торопитесь на встречу с Отцом-Солнцем? Я думаю, что не очень-то, иначе не стояли бы тут.

– Мне уже не раз предсказывали судьбу, Ваша светлость, – улыбнулся Раскона. – И каждое новое пророчество не совпадало с предыдущим.

– Видно, вам попадались неважные пророки, – сказал герцог. – Я и сам не силен в астрологии...

«А для кого же тогда был заказан телескоп работы мастера Ноймана?» – едва не вырвалось у Диего. Он хорошо помнил посвященный этому чуду враждебной техники отчет – проверка названной там итоговой суммы стала для Раскона одним из первых заданий в казначействе. Берясь за дело, Диего был уверен, что найдет целый заговор воров, ибо не может стекло и металл стоить дороже серебра. Но счет оказался чистым: просто в тот момент Иторен и Ликта переживали очередной «кризис отношений», телескоп же и без того значился в списке запрещенных к вывозу товаров. Верные предсказания всегда в цене, а для них нужны хорошие инструменты – и глупо менять их на золото будущего врага. Для доставки телескопа пришлось

⁷ Иторенская дорога – маршрут, по которому перебрасывались подкрепления из Иторена в Кумберлянд. Зажатый между Фрязией с одной стороны и кантонами гномов с другой, он проходил через цепь небольших государств (самое крупное – герцогство Маркетти), лояльность которых была ключевым фактором для Иторена в борьбе за коммуникации на континенте. Соответственно, поговорка «Доставить пикинера в Кумберлянд» означала трудное, почти невыполнимое дело.

организовывать цепочку подставных лиц, плюс акция прикрытия... но в итоге чудо-механизм все же был доставлен в Белый дворец.

– ... однако я смею думать, что являюсь неплохим знатоком Высокого Закона. Он, знаете ли, тоже порой может определить судьбу ничуть не хуже звезд. Да вы и сами, тан Диего, совсем недавно получили подобный урок, точнее, преподали его некоторым, кхм, заблудшим овцам.

– Ваша светлость! – Раскона упал на колено и склонил голову. – Честь иторенского тана принадлежит лишь ему, но жизнь – Королю и нашей Матери-Церкви. Прикажите – и в сей же миг я с одной шпагой выйду...

– Из этого кабинета! – оборвал его пылкую речь министр. – Довольно, тан Диего. Ступайте домой и ждите.

Опомнился Раскона уже на лестнице. Он развернулся, ринулся вверх – и через две ступеньки едва не протаранил спускавшегося ему навстречу ги Морра.

– Вы забыли вашу шляпу, – сообщил желтый камзол, держа упомянутый предмет перед собой – двумя пальцами за край полей, словно дохлую мышь.

– Благодарю... вас, – кипя от злости, тан выхватил шляпу и с силой надвинул ее на макушку. – Надеюсь, больше я ничего не забыл?

Имейся у него в кошельке хоть один сан, Диего непременно швырнул бы монету к ногам придворного. Но золотые остались у Марратоа, да и то если он забрал их утром из тайника. Выставлять же напоказ кошель, полный меди, Раскона не пожелал.

– Нет.

– В таком случае...

– Его светлость велел передать, – ги Морра сделал паузу, – что попробует оказаться лучшим предсказателем, чем те, с кем вы имели дело до сего дня. Прощайте.

Раскона с отчаяньем подумал, что сейчас отдал бы полжизни за то, чтобы хоть на десять минут заслать «призрачного шпиона» в кабинет ги Леннека. Но во всем Иторене вряд ли нашелся бы маг, способный предложить ему подобную сделку – в стенах кабинета Первого министра контрзаклятий наверняка было куда больше, чем кирпичей.

* * *

– Что скажешь?

Доведись Диего все же проникнуть при помощи магии в кабинет герцога, он бы изрядно удивился, глядя как ги Леннек, развернувшись, с весьма серьезным видом обращается к вышитой златорогой серне. Впрочем, удивление это продлилось бы совсем недолго – скрипнул механизм и гобелен пополз вверх, открывая солнечным лучам потайную комнатку.

Сухощавый, щегольски одетый мужчина, на вид лет сорока с небольшим, зевнул и поднялся с кушетки. Не торопясь прошел комнату, склонился над креслом для гостей, осторожно коснулся подлокотника. Коротко хмыкнул и вытер палец о спинку.

– Отвар злоголовки? Так я и думал. В сочетании с природным волнением... а я-то поначалу гадал, какая бешеная оса укусила Диего. Он ведь, да будет известно тебе, в обычном своем состоянии хладнокровнее заморских ящериц. Выстрели по нему из пушки, Франсиско – и когда развеется дым, ты увидишь его улыбку.

– Как несложно заметить, в этом кабинете пушки нет, – проворчал ги Леннек. – А мне нужно было знать, что являет собой твой протееж.

– И как? – с любопытством спросил ги Карталь.

– Если я скажу «отвратительно», ты будешь сильно удивлен?

– Удивлен? Ничуть, – рассмеялся казначей. – Будь иначе, разве я позволил бы ему забивать голову всякими дурацкими прожектами? Нет, он бы сейчас кашлял архивной пылью, пытаясь читать два, нет, четыре дела одновременно. Ах, Франсиско, – ги Карталь перешел на

доверительный тон, – даже ты не можешь представить, как мне жаль, безумно жаль... ведь у мальчишки есть все, понимаешь, все нужные задатки! Каких-то десять, ну максимум пятнадцать лет – и он бы занял мое кресло, а я ушел бы со спокойной душой, твердо зная, что ученик не посрамит, а превзойдет своего учителя. Но, – казначей всплеснул руками, – увы и ах! Этот подарок Отец-Солнце приготовил не мне и не тебе – дар сей для Морского Старца.

– То есть ты уверен, что из него получится хороший адмирал?

– Хороший? Ни в коем случае. Из него, мой дражайший министр, получится Великий Адмирал. Если, конечно, – задумчиво добавил ги Карталь, – его не убьют раньше.

– На гонках колесниц, – ги Леннек сдвинув к затылку короткий парик, прижал ко лбу платок, – я бы не поставил на него и двух гвеллов.

– Почему ты не воспользуешься магией, Франсиско? – с любопытством спросил ги Карталь. – Пара капель эликсира – и ты вновь будешь пленять танесс роскошной гривой.

– Не пытайся меня сбить. Мы ведем речь о Расконе, твоём Диего. И я скажу тебе: он как шутиха – не знаешь, куда она полетит и где взорвется. Ты же хочешь, чтобы я запустил ее посреди порохового склада.

– Лучше взрываться, чем тонуть, – резко произнес казначей. – Уйти ярко, в один блистающий миг. Уверен, такое угодно Великому Огню куда больше, нежели медленное сползание в пучину. Во тьму, Франсиско, в холод и мрак. Подумай над этим.

– Оставь, – слабо махнул рукой герцог. – Мне надоело слушать эту проповедь. Каждый раз, как только ты видишь подходящий случай, ты заводишь одну и ту же гномью дребезжалку. Или ты назначил себя моей совестью, Элиас?

– В этом нет нужды, – живо возразил ги Карталь. – Я уверен, никто в Иторене лучше тебя самого не справится с этой ролью. К тебе, за этот вот стол, стекаются все нити: доклады, доносы, рапорты. И если я вижу тень из своего кресла, то первый министр не может оказаться слепцом.

– Отец-Солнце видит, я мечтал бы им оказаться, – выдохнул герцог. – Не видеть... как не видела плеяда моих предшественников. «На наш век хватит! – говорили они, – Великий Огонь не оставит лучших из детей своих!» И ведь они были правы, Элиас: на их век – хватило.

Убрав платок, он оперся локтями о стол и спрятал в ладони лицо.

– Ты просто устал, Франсиско, – успокаивающе произнес ги Карталь и сам не поверил своим словам. Его друг выглядел стариком, как будто их разделяло не десять лет, а все тридцать.

– Тем, кто придет после, – глухо произнес герцог Нуарийский, – тоже будет легче. Они всегда смогут прийти в галереи Эстрадивьяны и, указав на мой портрет, изречь с умным видом: вот он еще мог что-то изменить, а мы... а что мы? Уже слишком поздно.

– Мой портрет, надеюсь, будет висеть рядом? – ги Карталь оперся на спинку кресла, и, словно позируя невидимому живописцу, повернул голову. – Кстати, спасибо за напоминание. Пожалуй, я закажу портрет заранее, не дожидаясь, пока Двор отсыплет маэстро Велюччи десяток-другой сан от щедрот своих – уж я-то знаю, насколько скудны бывают их подачки. Да, сегодня же напишу ему...

– Элиас, Элиас, – вздохнул герцог. – Иной раз мне кажется, что маска беспечного повесы вьелась в твою кожу слишком глубоко. Слишком уж часто ты бываешь весел там, где надо быть серьезным.

– Моя серьезность – слишком драгоценный товар, чтобы расходовать ее без особой на то нужды! – возразил казначей. – На прочее же хватит и веселости.

– Конечно-конечно. Представляю, как ты смеялся, когда составлял рекомендацию на этого молодца, Диего Раскона. Что ж, Элиас, шутка удалась, поздравляю!

– Ошибаешься. Как раз в тот момент я был крайне серьезен. И, Франсиско, я не понимаю, что же тебя так смущает в нем? Возраст?

– На самом деле, меня смущает не возраст его, а рост.
– Рост? – переспросил ги Карталь.
– Такие, как он, – задумчиво произнес герцог Нуарийский, – никогда не остаются среди толпы. Им нужна высокая подпорка... и ею становятся либо трон, либо эшафот.
– Это следует понимать, – прищурился казначей, – что ты согласен с моей оценкой этого маленького тана?
– И что же мне с ним делать?
– Испытай его. У тебя, Франсиско, наверняка ведь отыщется какое-нибудь невыполнимое задание.
– Вот как? И тебе ничуть не жалко своего протеже?
– Диего Раскона моя жалость ни к чему, – едва заметно улыбнулся ги Карталь. – Ему нужен фрегат.

* * *

– Плохо, Валь, очень плохо.
Они успели пройти уже полпути от дворца, прежде чем Диего сумел отвлечься от очередного безнадежного повторения в памяти деталей разговора с герцогом и ответить наконец-то на вопрос Марратоа: «как прошла встреча?».
– В самом деле?
– Самее не бывает. Я вел себя словно мальчишка! Горячился, дерзил... ужасно, в общем. Будь я на месте герцога, не доверил бы подобному юнцу даже командование весельной двойкой!
– В таком случае, – невозмутимо сказал Вальдес, – остается лишь радоваться, что первый министр Высокого Двора – это не вы.
– Повод для радости просто невероятный!
Диего со злостью пнул валявшийся на мостовой кусок штукатурки – с такой силой, что тот разлетелся на осколки, картечью брызнувшие по забору напротив. Раздавшийся в ответ рев заставил подпрыгнуть не только маленького тана, но и Марратоа. Судя по лаю, скрытое за досками чудовище вполне могло позавтракать медведем, а затем отправиться на поиски обеденного слона.
– Бежим?
– Я слышу лязг цепи, – пробормотал Вальдес и, подхватив шпагу, бросился вперед. Раскона чуть задержался, прислушиваясь – и действительно, в промежутках между взревами ясно слышался металлический звон... слишком тонкий и тихий для по-настоящему массивной цепи! – а затем помчался следом за слугой.
Догнал он Вальдеса лишь в конце улицы – когда слуга перешел на шаг.
– Мой тан, – остановившись, слуга положил руку на лоб Диего, – вы меня пугаете! Пинаете ни в чем ни повинные камни... пробежав какие-то жалкие треть мили, хрипите и булькаете как пустынный единорог.
– Я здоров! – маленький тан вывернулся из-под ладони. – К Темному, Валь, неужели...
– Похоже, у вас все-таки жар, – Марратоа оглянулся, отступил на два шага и взялся за эфес. – В позицию, мой тан!
– Что-о-о?!
– Я имею честь атаковать вас!
– Валь, какого... – не успев довозмущаться, Диего отшатнулся влево – шпага Вальдеса прочертила глубокую щель в кирпиче, там, где всего миг назад была его, Раскона, шея. Выпад был в полную силу и даже захотел слуга сдержать удар, вряд ли...

Вальдес атаковал снова и посторонние мысли разом покинули Диего. Четвертая защита. Атака в третий сектор. Ему удалось заставить Марратоа отступить на шаг, но Раскона прекрасно понимал, что долго их поединок не продлится. Слуга был выше, сильнее, опытнее.

«Этот мир устроен крайне несправедливо, мой тан, – сказал один человек когда-то давно, в ответ на упреки мальчишки. – Даже когда вы станете взрослым, всегда найдется кто-то выше, сильнее и опытнее вас. И этот кто-то не остановится из-за того, что вы уроните клинок и разрыдаетесь. А потому – перестаньте увлажнять пол и поднимите рапиру! К бою, мой тан, к бою!»

Финт, защита... наконецник шпаги Вальдеса выплясывает замысловатый танец как раз на уровне глаз Диего. Дразнит проклятое стальное жало.

Наверху затрещали ставни, визгливый женский голос пожелал дуэлянтам провалиться до самого дна Нижних Миров и вмерзнуть в тамошний лед отныне и вовеки – дабы неповадно было нарушать своими выходками полуденный покой достопочтенных тарримских обывателей. Почти сразу же густой бас из окна напротив последовательно сравнил неуважаемую тану с курицей, ослицей, селедкой, а также обитающим в сточных канавах слизнем и пожелал ей провалиться еще ниже, чтобы она в дальнейшем не могла мешать благородным танам решать дела чести, а всем прочим – наслаждаться зрелищем.

Все это Диего слышал краем уха, даже не пытаясь осознать – его восприятие мира сузилось до блистающей полосы перед глазами. Обманный укол и снова в третий сектор. Марратоа отбил его атаку размашистыми движениями, явно не боясь, что его противник сумеет воспользоваться открывшейся брешью. Еще пара таких атак и защит, подумал Диего, и мой клинок улетит на другой конец Таррима.

– Вам стало лучше, мой тан?

Раскона замер посреди выпада – со стороны это, наверно, выглядело довольно потешно. Слуга, непонятно когда успевший спрятать шпагу, укоризненно качнул головой, обошел Диего, поднял шляпу – тоже неизвестно когда улетевшую с головы тана – стряхнул с нее пыль и протянул владельцу.

Диего вздохнул. Медленно вложил клинок в ножны, взял шляпу и аккуратно водрузил ее на место.

– Так – значительно лучше! – тон Вальдеса явно свидетельствовал, что это высказывание относится далеко не к одному лишь головному убору.

– Стражников не видно?

– В такой час, мой тан, их не выгнать из тени даже демонам, – отозвался слуга. – Кроме тех неудачников, которым выпало патрулировать в Старом Городе. Прочих же надо искать в сумраке таверн.

– Ужасно рад, что твоя предусмотрительность по-прежнему с нами, – съязвил маленький тан. – Равно как и... Валь! – простонал Диего, – ну сколько раз я просил тебя придумать иной способ для приведения меня в равновесие?

– За последние два года, мой тан, я воспользовался им впервые.

– Угу, в остальных случаях за эти два года ты атаковал меня без всякого повода. Ну и предупреждения, само собой.

– А разве наемный убийца пошлет вам вызов?

– До встречи с наемным убийцей мне еще дожить надо, – буркнул Диего. – А если ты продолжишь свои тренировки, то шанс на это станет весьма сомнительным.

– Что касается меня, – сказал Вальдес, – то я не вижу нужды изменять столь превосходно действующему методу. По крайней мере, вы сейчас злитесь на меня, а не на себя – а это уже немалое достижение.

– С что ты взял, что я злился на себя?

– Мне так показалось.

– Ну... допустим.

– Между тем, – продолжил слуга, – в мире, хвала Великому Огню, есть множество куда более приятных занятий. Взгляните, например, мой тан, какое голубое нынче небо у нас над головами.

– То-то было бы весело, найдись оно у нас под ногами, – хмыкнул Диего, но все же вскинул голову – и тут же пожалел об этом. Возможно, небеса над славным Тарримом и впрямь были голубее, чем вчера, но подошедшее к зениту солнце позволяло любоваться только собой – и очень недолго.

– А еще, – невозмутимо продолжил слуга, – я думаю, вам стоило бы развеяться.

– Как призраку от экзорцизма?

– Не столь радикально, мой тан. Скажем, ужин с кем-нибудь из ваших друзей в достойном заведении.

– Что я слышу, Валь... – удивление Диего было вполне искренним. – Ты. Предлагаешь. Мне... и с кем же, позволь узнать? И где?

– Если вам и впрямь интересно мое мнение, – коротко поклонился Вальдес, – то я бы порекомендовал «Тещу боцмана», в качестве же партнера – благородного тана...

– ... в чине ка-лейтенанта, – закончил Раскона. – Но Валь... я решительно не понимаю тебя! Ты говоришь так, словно...

...словно герцог выполнил мою просьбу, мысленно закончил он, так и не решившись договорить вслух.

– Мой тан, – неожиданно для Диего его слуга улыбнулся – широко, не сдерживаясь. Это само по себе было странно – Раскона не взялся бы сказать, когда в последний раз подобная улыбка озаряла лицо его наставника, – но последовавшие за ней слова едва не вогнали маленького тана в ступор: – Я предлагаю вам спор. И ставлю свое жалование за полгода, что вернувшись домой, вы обнаружите кое-что неожиданное.

В какой-то миг Раскона всерьез усомнился, что рядом с ним идет настоящий Вальдес Марратоа. Облик, походка, речь, манеры – все было прежним, подобного сходства мог достичь разве что сотворенный Высокой магией двойник, но кому могло бы потребоваться подменять его слугу? Глупость, нелепица, однако... спор?! На деньги?! Его наставник был великолепным игроком, но как только над карточным столом раздавался звон монет, Вальдес немедленно покидал свое место. Старый обет, объяснял он, это как старый друг – иной раз в тягость, но так жаль расставаться.

– Валь, если даже герцог вдруг решил... мы шли быстро, и курьер...

– Мы уже почти пришли, – Вальдес вытянул руку и жестом уличного фокусника извлек из-за уха Диего ключ от калитки. – Жалование за полгода. Принимаете ставку?

Раскона нашел в себе силы только на утвердительный кивок. Марратоа распахнул калитку. Затем – маленький тан едва поверил своим глазам – вприпрыжку, словно торопящийся на свидание влюбленный, обогнал Диего и принялся греметь замками входной двери.

– Прошу, мой тан!

Диего распахнул дверь – и замер! Сквозняк из дома остро пах грозой – верный признак недавнего использования телепортационной магии – а посреди стола в прихожей продолговато темнел сверток с хвостом из разноцветных лент.

Вечер того же дня, в «Теще боцмана».

Самую лучшую, по мнению Диего, характеристику «Теще боцмана» дал поэт, философ и бретер тан Касад Сизый Нос, назвавший это строение Итореном в миниатюре. Впоследствии Касад утверждал, что именно за эти слова он был незамедлительно подвергнут гонениям и лишениям сроком на двадцать дней, но ему мало кто верил. Нарушение общественной благопристойности само по себе весит не меньше пяти дней, а поскольку увлакивавшие поэта стражники, во-первых, недооценили объем выпитого Касадом, а во-вторых, не потрудились завязать его штаны, то к сроку добавилось еще и оскорбление действием при исполнении.

Со стороны улицы дом выглядел почти пристойно – величавый, в характерном для прошлого века вычурно-пузатом стиле, со слегка пожелтевшей, но все же регулярно подновляемой побелкой. Пожалуй, единственным, что могло вызвать удивление у случайного прохожего, являлось отсутствие входа на первый этаж – вместо него имелась лестница до второго.

Поднявшийся по ней попадал в Белую залу – скатерти на столах, занавески на окнах, четверка гипсовых статуй по углам. Это напоминало скорее Кумберлянд, чем Иторен, а поскольку и кормили здесь в тамошнем же стиле – без особых изысков, но сытно и относительно дешево, – то ничуть не удивительно, что среди завсегдатаев Белой преобладали офицеры Королевского флота. Разумеется, из числа тех, чье звонкое имя не было подкреплено столь же звонкой цифрой годового дохода. Таким нечего было делать на третьем этаже – с его восточной роскошью и немалыми ценами.

Загадка же входа разрешалась просто: любопытствующему прохожему достаточно было лишь обойти таверну – и обнаружить, что каменный фасад скрывает за собой слегка перекосившееся деревянное строение. Здесь-то и был вход на первый этаж, где дрянное вино лилось рекой вперемешку с божбой, а порой и кровью, где черепа разбивали так же легко, как глиняные кувшины. Здесь жратва была уже не относительно, а просто дешевой – только не стоило лишний раз интересоваться ее происхождением. И если со второго этажа иной раз все же поднимались на третий, то с первого куда чаще спускались в подвал: к водянистой похлебке. Ну а в качестве мясного – стаи блох на земляном полу!

По долгу службы Диего уже случилось побывать и на третьем этаже, и в подвале. Сегодня он впервые получил возможность ознакомиться с меню второго этажа.

– Не понимаю, как это можно есть, – признался Раскона.

Сидевший напротив него ка-лейтенант отложил в сторону ложку, промокнул салфеткой усы и удивленно посмотрел на собеседника.

– Что вы имеете в виду, тан Диего?

– Это же не, хм, еда, – Раскона покосился на стойку и, склонившись над столом, горячо зашептал: – При всем почтении к тане Долорес, омлет со шкварками является вершиной кулинарных способностей ее поваров. Блюдо же наподобие вашего, Энрике, ирадийского грибного супа, находятся далеко за их пределами.

– Спорить не стану, – офицер снова взялся за ложку, – замечу только, что на мой вкус этот суп вполне съедобен. Особенно после трехнедельного крейсерства в обществе вяленой трески, сухарей и бочек с подпорченной солониной.

– Ужасные вещи вы говорите, – вздохнул маленький тан. – Надеюсь, судового казначея уже повесили?

– У вас, тан Диего, – усмехнулся ка-лейтенант, – какие-то очень странные представления о порядках в Королевском флоте. За что, по-вашему, должны были бы вздернуть нашего доброго толстяка Рикардо? Ведь порченная солонина перекочевала в наш трюм прямоком со склада снабжения.

– Но ее же не телепортировали туда ночной порой? Или ваш добрый пузан в любое время суток не способен отличить гниль от нормального мяса?

– Думаю, все было проще, – сказал Энрике. – Когда выбирать приходится между полным отсутствием припасов и солониной второй свежести, то поневоле забываешь о разборчивости. Разве на суше с этим обстоит иначе?

– За всю королевскую армию не скажу, – Раскона оглянулся на окно, из которого как раз в этот момент донеслись звуки «Огонь мы в сердце в бой несем...», исполняемого пьяными голосами числом не менее пяти. Ах да, вспомнил он, сегодня же у «единорогов» праздник, именины шефа полка, принца Эстевана. – Но интендант, попытавшийся сыграть подобную штуку с «Саламаникой» задержался бы на свете минут на пять, пока наберут хворост в соседнем лесочке. А в Гадрокке – и того меньше.

– В гвардейской кавалерии много рядовых, чьи фамилии начинаются с «ги», – заметил ка-лейтенант. – На флоте вы такого не сыщете.

«Именно это я и намерен изменить, – подумал Диего. – И не только это».

– Однако, – Энрике с видимым сожалением отодвинул пустую тарелку. – Вы ведь пригласили меня вовсе не для того, чтобы обсудить вкусовые достоинства флотского пайка или здешней кухни, верно?

– Верно, – Диего поднял руку. – Но сначала... какое вино предпочитаете?

– С вашего позволения, – ка-лейтенант слегка кивнул Диего и, повернувшись к слуге, договорил: – Я предпочту эль. Полпинты, с ледника.

– Буд`сполнено, тан. Вам тож самое?

– Ни в коем случае! – поспешно произнес Раскона. – Для меня принесите бутылку молодого кэльпи.

– Э-э... – озадаченный слуга потянулся к затылку, – белого или красного, тан?

– Кэльпи, – сквозь зубы процедил Диего, – только красное и бывает.

– Виноват-с.

Слуга попытался изобразить смиренное раскаянье, для чего устоял в пол и принялся ожесточено тереть когда-то белый, но давно уже серый – местами до коричневого – фартук.

– Это бутылки в веревочной оплетке с красной сургучной печатью на горлышке, – пришел на помощь слуге Энрике.

– О, бл`дарствую, тан ка-лейтенант. Щас все бу.

– И где только здешняя хозяйка набирает эдаких дуболомов?! – едва дождавшись, пока серый фартук скроется за дверью, выдохнул Раскона.

– Здесь же, только этажом ниже, – пожал плечами Энрике. – Этого, видимо, подобрали недавно, вот бедняга и путается. Вам стоило бы спросить у него, где находится грота-стаксель, Диего – уверен, ответ вы бы получили куда как быстрее.

– Бедняга...

– Зал над нашими головами обслуживает бывший адмиральский вестовой, – сообщил ка-лейтенант. – Уж он-то наверняка знает даже как выглядит ваше любимое розовое кантабрийское. На самом деле, – тоном ниже добавил ка-лейтенант, – я немного удивлен, что вы не назначили встречу там.

– Все очень просто. На третьем слишком уж много...

– Ваш заказ, таны!

– Держи! – опередив потянувшегося за кошельком Энрике, маленький тан кинул на поднос двойной лерр. Монета тут же отправилась в передний карман фартука, взамен же на подносе появилась горка меди – мокрой, зеленой, с сильным запахом рыбы.

– Сдачу оставь себе.

– Бл`дарствую, тан!

Раскона дождался, пока пятящийся задом – и едва не своротивший при этом соседний столик – слуга удалится и, наклонившись, шепотом закончил:

– ... посторонних ушей.

– Неужели? А я, признаюсь, считал, что именно там предпочитают вести, – Энрике ненадолго задумался, – переговоры, требующие, как говорят ликты, строгой конфиденциальности.

– Так и есть, – подтвердил Диего. – Потому их – в отличие от чавканья голодных младших офицеров и пьяных воплей матросни – и слушают все, кому не лень. Тана Долорес, несмотря на заверения, которые она столь щедро рассыпает своим клиентам, на деле удивительно беспечна в вопросах магической безопасности. Впрочем, – добавил он, – ходят слухи, что беспечность эта приносит ей больше, чем весь остальной трактир. Это, как я сказал, всего лишь слухи,

но слухи с отличием... – Раскона провел пальцем от левого плеча ко второй сверху пуговице камзола и его собеседник понимающе кивнул.⁸

Была и еще одна причина, о которой тан вовсе не собирался говорить вслух – среди посетителей третьего этажа ка-лейтенант в своем «парадном», со следами штопки, мундире выглядел бы как серый деревенский цепняк среди стаи завитых собачонок придворных дам. Ничем хорошим такое соседство не кончается, а Энрике был нужен маленькому тану в целости, сохранности, добром здравии, ну и, разумеется, не в роли беглеца от закона и мести родных какого-нибудь не по шпаге острого на язык юнца.

– Вот, значит, как, – повторил Энрике.

– Полагаю, – Диего привычным движением выдернул пробку, – все дело в умении таны Долорес задира́ть юбку. Зачем говорить «нет», если за «да», платят и платят щедро.

– Спасибо, что просветили. Если я когда-нибудь стану адмиралом, буду знать, где не стоит отпускать язык в свободное плаванье, – Энрике приподнял кружку, насмешливо глядя поверх пенного холма на собеседника. – Ваше здоровье, Раскона! Ох... вы слышите?!

Раскона вновь посмотрел в окно. Сводный хор «единорогов», очевидно, свернул за угол, и сейчас кружева занавески колыхались в такт мелодии скрипки. Удивительно нежной и чистой.

Он знал скрипачку – впрочем, в Тарриме трудно было найти того, кто не слышал о ней. Диего также знал, что догадки толпы о ее происхождении таят под собой нечто большее, чем пустопорожние сплетни насчет всегда скрывающей уши прически. Что на все предложения выступить где-либо за деньги она отвечала лишь смехом – даже на приглашение ко Двору. Что святые братья из Башни Смирения давно хотели бы познакомиться с ней поближе. И что сдерживает их не особый указ короля, а простое знание: стоит им хоть пальцем коснуться Поющей Морю, как Таррим взорвется – мгновенно и весь, как взрывается бочка с порохом от шальной искры.

– Второй раз удастся услышать ее, – хрипло прошептал Энрике, когда музыка смолкла. – А вам?

– Четвертый.

– Счастливчик! – тяжело вздохнул ка-лейтенант, на щеках которого поблескивали две влажные дорожки. – Все вы тут счастливчики. Но, Великий Огонь, как она это делает?! Какое колдовство тут замешано?

«Если это и магия, – подумал Диего, – то магия эта не от людей».

– По крайней мере, – вслух сказал он, – это больше, чем просто музыка.

– Я бы отдал обе ноги, чтобы слышать ее хоть раз в полгода...

– Одной вполне достаточно.

– В каком смысле?

– Знаете желтое здание на краю мола? – Раскона указал на стену за правым плечом собеседника. – Бывшая казарма портовой стражи. Сейчас там приют ордена Двух Сестер для моряков Королевского флота, увечных, разумеется. Она играет им почти каждый месяц. Так что, – закончил маленький тан, – если вашу ногу оторвет вражеское ядро, не спешите бросаться за борт.

– Не буду, – ка-лейтенант поднял кружку и с почти детской обидой уставился на едва покрытое пеной дно. – Странно... когда это я успел?

– Вы слушали и пили, – сказал Диего. – Мой бокал, как видите, тоже пуст.

– Эй! Еще полпинты сюда! И...

– Благодарю, моя бутылка еще не пуста.

⁸ Черный с красным галун от левого эпюлета ко второй пуговице является принадлежностью мундира офицера Королевской Черной Стражи.

– Однако... – Энрике прервался, внимательно наблюдая, как на стол перед ним водружают новую кружку с белой шапкой.

– Вы ведь пригласили меня вовсе не для того, чтобы послушать Поющую Морю?

Раскона ответил не сразу. Конечно, полпинты эля вряд ли способны затуманить голову, но с другой стороны... да с какой ни посмотри, зло подумал Диего, выбора-то у меня и нет.

– На самом деле, – сказал он, – я пригласил вас, дабы подвергнуть испытанию.

– Вот как? – Энрике качнулся назад, с хмельным интересом разглядывая собеседника. – Не знал, что по ночам вы расправляете крылья и летите превращать в горстки пепла пару-тройку городишек.

– Увы, – в тон ка-лейтенанту отозвался маленький тан. – Я не Черный Дракон. Впрочем, и вы, Энрике, не очень-то похожи на Сына Солнца.

– Хотите сказать, власти над царствами земными предложено не будет? – живо спросил Энрике.

– Увы, друг мой.

– Эх, жаль! – скорбь в голосе ка-лейтенанта прозвучала почти что искренне. – А ведь я всегда мечтал примерить корону.

– Ну-у... – протянул Раскона. – Возможно, треуголка ун-капитана хотя бы отчасти сгладит ваше горе.

– Если это шутка, – после короткого молчания медленно и четко произнес Энрике, – должен сказать, она глупа и совершенно не смешна.

– А если это не шутка? – спокойно спросил маленький тан.

– Тогда, – ка-лейтенант подался вперед, упершись локтями в стол, – я вас очень внимательно слушаю.

– Приказ о вашем повышении может быть подписан уже завтра, – сказал Диего. – Самое позднее – через три дня. Недолго... если учесть, что более, хм, обычным путем производства в следующий чин вам бы пришлось ждать лет восемь, не меньше. У вас ведь нет «ги» перед фамилией, да и сама она... трудно представить, что Кэмпбелл может вызывать симпатию у танов из Адмиралтейства.

– Мой отец верно служил Иторену.

– Но выше полковника так и не поднялся. Нет, Энрике, для второго эполета вам нужно было бы очень громкое дело, подвиг наподобие абордажа «Карлсруэ». Верю, вы бы не отказались второй раз сыграть в орлянку с Темным, но сейчас – мир. Непрочный, зыбкий, который может хоть завтра обернуться громом пушек или затянуться лет на пять или даже десять. Все ваши одногодки давно уже получают капитанство...

– Довольно... – ка-лейтенант отбросил прочь смятую салфетку. – Это все?

– Все? – удивленно приподнял бровь Раскона. – Нет, это лишь начало. Помните, вы как-то поведали мне о чувствах, которые питаете к некоей благородной танессе из рода...

– Я был пьян!

– Хотите сказать, в трезвом виде эта девушка вас не интересует? – вкрадчиво спросил маленький тан. – Эй, постойте, не надо тянуться к эфесу. Дослушайте сначала.

– Я... слушаю вас.

– Как я понимаю, – продолжил Диего, – родители этой танессы схожи с танами адмиралами в том, что вряд ли когда-либо дадут согласие на ее брак с человеком по фамилии Кэмпбелл. А еще мне отчего-то кажется, что к тану из боковой, захудалой, но все же ветки рода ги Тадеко будет проявлено куда больше внимания.

– Не понимаю.

– Терпение, мой друг, терпение. Дело в том, что среди моих владений есть одно небольшое...

«Вернее сказать, крохотное».

- ...поместье. Доход с него не превышает дюжины...
- Сан? – с усмешкой предположил ка-лейтенант.
- Нет, корзин полудиких яблок. Впрочем, – добавил Диего, – если вы любите варенье с кислинкой...
- Обожаю!
- Это хорошо, – кивнул маленький тан. – А еще у этого клочка земли есть одно забавное свойство – поместье является майоратом и в качестве такового дает своему владельцу право добавить к своей фамилии... другую фамилию. Для меня, как вы понимаете, в подобной добавке нет ровно никакой ценности, а потому я бы охотно уступил ее достойному человеку. На крайне выгодных условиях.
- Что за условия?
- Ну, скажем, – Диего глянул на потолок, с задумчивым видом пригладил пальцем бородку, – личная присяга сроком на двадцать лет. Ранения и прочие напасти, да хранит нас Великий Огонь от них, считаются, как говорят в таких случаях стряпчие, форс-мажором.
- Знаете, Раскона, – медленно произнес ка-лейтенант. – Роль Черного Дракона вам очень хорошо удастся.
- А ведь я еще не закончил.
- Так продолжайте же.
- Как вам известно куда лучше меня, Энрике, – Диего потянулся за бокалом, – имя и чин в наши дни еще не все слагаемые успеха. Как говорит со сцены герой великого Рэтленда: «Деньги правят миром». И он прав, друг мой. У вас еще остался эль?
- Да.
- Тогда предлагаю тост...
- Мы еще не пили за короля, – напомнил ка-лейтенант.
- В самом деле? – удивился Раскона. – Ах, действительно. В таком случае я расширю свое пожелание. Итак, давайте выпьем за короля Бирка и казну его, да не опустеет она во веки веков!
- А что, ей угрожает подобное несчастье?
- Хвала Огню – нет! Иначе для чего б мы держали на приколе добрую треть флота, включая новые корабли, к чему б нам были офицеры, годами не видящие волн? А офицеров-то этих многовато, ведь у нас издавна заведено, что на флот подаются те, кто не смог сделать карьеру... ну, скажем, в кавалерии. Вот и выходит – мало кораблей в море, много людей на суше. А выход? Половинное жалование! Энрике, это воистину гениальное изобретение, не находите?
- Нахожу.
- Еще бы. Я никогда не сомневался в вашей мудрости. Да вы пейте, пейте, у вас же почти треть кружки осталась. Так, о чем же я...
- О половинном жаловании.
- И верно. Великая штука, – Раскона восхищенно цокнул языком, – экономит казне уйму денег. Вот вы, к примеру, сколько получали ун-лейтенантом... на берегу?
- Шесть дукариев ежемесячно.
- Вот видите. А иметь шесть дукариев и не иметь шесть дукариев – это в сумме уже целый сан. Золото, сладкое золото, – промурлыкал Диего. – Да и с выплатой оставшейся половины можно не торопиться. Помните генерала Пеларгоза? Четыре месяца тан генерал не платил своим войскам, а когда они были готовы взбунтоваться – повел их на штурм Ароссы. И лишь когда город был взят на копье – расплатился, за живых и мертвых, честно... почти. А из этого, Энрике, – наклонившись, шепотом продолжил маленький тан, – следует законный вопрос: если можно не платить армии на войне, то к чему деньги флотским в дни мира?
- Видимо, ни к чему.

– Вы правы как никогда, друг мой, – прочувствованно выдохнул Диего. – За это стоило бы выпить. Увы, моя бутылка показывает дно.

– Закажите вторую.

– Нет-нет, – замотал головой маленький тан, – это будет уже лишнее. Лучше напомните мне, о чем я говорил.

– О деньгах.

– Верно, о них, родимых. Так вот, есть один способ... – Раскона икнул. – Нет, не так. Есть одна маленькая война, которая никогда не прекращается. И есть одна работа, не самая почетная, но как бы это сказать... а, оплачиваемая сдельно! То есть, она будет оплачиваться сдельно, если кто-то, точнее кое-кто продемонстрирует успехи на этом поприще. Тогда – хоп! – казначейством вводится новый сбор, по примеру «аварийного налога»⁹ и с этого сбора оплачиваются... успехи. Понимаете, как интересно?

– Невероятно интересно, – процедил ка-лейтенант. – А можно узнать, что ж это за работа?

– Конечно, – расплылся в улыбке Диего, отворачивая скатерть. – Следите за руками! О, Темный, я тут пролил немного вина... ну ничего.

Подавшись вперед, Энрике внимательно пронаблюдал за тем, как палец маленького тана рисует в винной лужице не очень прямые, но вполне узнаваемые буквы. КУ. КА. РЕ. КУ.

– На этой работе... – после долгой паузы сказал ка-лейтенант, – не так-то просто будет преуспеть.

– Разве я обещал, что будет легко?

– Нет.

– Впрочем, – Диего аккуратно прикрыл скатертью получившийся образчик живописи в стиле «мазня по вину», – на сей раз у охотника будет одно немаловажное преимущество.

– И какое же?

– Развязанные руки.

– Это, – ка-лейтенант выставил перед собой руки ладонями вверх и принялся разглядывать запястья. Вид у него при этом был крайне удивленный – казалось, на месте манжет он ожидал увидеть чугунные кандалы. – Самое невероятное из всего, что я услышал за сегодняшний вечер.

– Возможно, я немного преувеличил, – сознался Диего. – Вербка все же будет – но длинная!

– В Урсии про такие веревки есть хорошая поговорка, – пробормотал Энрике. – Но... Князь Ночи, даже иллюзия свободы лучше прутьев клетки!

– Я знал, что вам придется по вкусу эта идея.

– Еще как!

Диего торжествующе улыбнулся и, видимо, именно эта его улыбка подействовала на ка-лейтенанта не хуже протрезвляющего эликсира – Энрике отодвинулся от стола и взялся за плечи, словно пытаясь обнять сам себя.

– Ну а какова цена? – хрипло произнес он. – Что тан Черный Дракон желает получить взамен?

– Вы забыли Красную Книгу, Энрике? «Поклонись мне и обрешь...»

– Про личную присягу вы уже сказали, – напомнил ка-лейтенант.

– Верно. А еще, друг мой, я бы весьма и весьма хотел бы увидеть вас в роли первого помощника фрегата «Мститель». Вы наверняка слышали о нем – новенький, всего пару месяцев назад сошел со стапеля на верфи тана Херманна. От казначейства надзирающим был тан

⁹ 6%-ный сбор «на обеспечение» со всех перевозимых через океан товаров. Расходовался на содержание Конвойной эскадры.

ги ле Горо, человек, да будет вам известно, почти болезненной честности, так что никаких «воровских болтов» и прочих неприятных сюрпризов можно не ждать.

– Слышал, – кивнул Энрике. – Строил его сарваер¹⁰ Ардженцо, а за образец взят был «Разящий молнией». Однако я думал, что его предназначали для Конвойной эскадры.

– Как я понял из объяснений ги ле Горо, – сказал маленький тан – Ардженцо внес дополнения в проект своего учителя. То, что вышло у него, имеет некое сходство с фряжскими «истинными фрегатами»... с планами которых, хвала Великому Огню, наши корабельные мастера не так давно получили возможность свести близкое знакомство. Больше скорость, лучше мореходность. Поправьте меня, но прежде корабли нашего доблестного флота испытывали, гм, некие трудности при стрельбе в океане? Эта прискорбная история с «Воином Света»...

– Дело рассматривалось дважды, – заговорив на более привычную тему, Энрике перестал изображать грешника среди льдов. – Адмиралтейским судом... и трибуналом Четверых, ведь «Воин Света» был «святым кораблем» и его экипаж на четверть состоял из братьев-воинов. И оба раза приговор был оправдательным – капитан Навалья действительно не мог пустить в ход орудия нижней палубы. Правда, – недобро шурясь, добавил ка-лейтенант, – на мой взгляд, это еще не повод сдавать линкор двадцатипушечному шлюпу.

– Ну, вы-то заслужили право на столь резкую оценку, – засмеялся Диего, – а я скромно промолчу.

– Вы лучше скажите, в чем подвох?

– Подвох?

– Должность первого помощника на новом фрегате, – медленно произнес Энрике, – звучит как еще одно искушение.

– Это лишь на первый взгляд. А вот когда вы узнаете имя капитана фрегата, мой друг, то вполне возможно, решите, что Черный Дракон был недостаточно щедр.

– Кто же этот злой гений? – с любопытством спросил ка-лейтенант. – Кто-то из ваших друзей по «Саламанике», которому доктор в круглой шляпе¹¹ прописал заморский климат? И вы хотите, чтобы я занялся утиранием соплей очередного «капитана от кавалерии»?¹²

– Я бы охотно выдал вам сладкую булочку за верную догадку, – вздохнул Диего, – но здесь их нет. В отличие от нового капитана «Мстителя».

– И кто же... – Энрике развернулся, пытаясь высмотреть желтый с красным доломан – и в этот момент до него дошло ... – Диего?!

– Хорошо, что эль кончился, – вкрадчиво заметил маленький тан, – сейчас вы бы наверняка забрызгали полтаверны.

– Зачем вам это?! То есть... Великий Огонь, – ка-лейтенант ошарашено помотал головой, а затем коснулся ладонью виска, видимо, испугавшись, что последняя сцена, да и весь ужин явились ему в горячечном бреду.

– Я, конечно, помню наши разговоры, но...

– Только это еще не повод утирать мне сопли?

– Ну, я выразился грубо, то есть образно, – выкрутился Энрике. – Но у вас же и впрямь нет практики морского дела.

¹⁰ Звание корабельных мастеров (инженеров), соответствующее ун-капитану.

¹¹ Круглые шляпы являлись отличительным знаком судейского сословья.

¹² Стоит отметить, что за 100–150 лет до описываемых событий практика назначения капитаном корабля армейского офицера была вполне обыденным явлением в иторенском флоте. Конечно, «капитан от кавалерии» занимался, в основном, административными вопросами, а также командовал солдатами (доля которых в экипаже в те времена также была заметно больше). В вопросах же мореплавания подобный капитан всецело зависел от маэстро – мастера-судоводителя: должность, позднее замененную в корабельном расписании на первого помощника.

– У меня и с теорией неважно, – соврал Раскона, решивший, что сейчас не самое удачное время для рассказов про уроки старого Астольфо ги Рико. Бывший первый штурман легендарной «Принцессы Эрийской» оказался наставником под стать Марратоа – который, собственно, и нашел, а главное, уговорил старого тана «дать юнцу пару-тройку наставлений».

– Вот я и хочу заполучить в утиратели... прошу прощения, в первые помощники лучшего офицера королевского флота. Есть, правда, еще одна причина.

– И что за причина?

– В день, когда я стану Адмиралом Пламени, – невозмутимо произнес маленький тан, – мне потребуется хороший командир арьергарда.

* * *

В доме было темно, но письмо маленький тан увидел почти сразу, как вошел. Лист белел посреди стола – на том же месте, откуда Диего несколько часов назад взял еще холодный после магической переборки пакет Адмиралтейства.

Двигаясь замедленно, словно во сне, Раскона отвязал ножны. Стащил отчего-то разом потяжелевший камзол. Принес из спальни подсвечник, долго хлопал дверцами шкафа, пытаясь найти замену догоревшей свече – и в итоге решил, что и света от двух оставшихся вполне хватит.

Потом он сообразил, что забыл снять сапоги. Потом...

– Глупо, да? – с горечью спросил он у темноты в углу. – Кто другой бы от радости прыгал. И вообще, я ведь даже не начал читать – так чего ж, Князь Ночи меня заморозь, я уже сейчас дрожу?!

Разумеется, тьма не ответила. Она, как всегда, предпочла молчать, злорадно скалясь белыми полосками клыков на полке – и Диего в очередной раз пообещал себе, что завтра же с утра первым делом оттащит этот проклятый череп скальной гарпии в лавку Пыльного Маведи.

А затем взял в руки письмо и начал читать:

«Диего!

Наверное, все, что здесь написано, ты должен был услышать. Надеюсь, ты простишь меня – я предпочел обратиться к бумаге. Помимо прочего, это хороший способ не затягивать прощание, когда хочется сказать столь много – того, что на самом деле говорить вовсе не следует.

Великий Лакриций учит, что хороший наставник должен уметь две вещи. Первое: дать ученику то, что сочтет нужным.¹³ Вторым же важнейшим качеством восточный мудрец полагает умение вовремя уйти с дороги ученика – дабы тот мог проложить свой путь.

Это великий соблазн – оставаться рядом. Или хотя бы за спиной, чтобы всегда иметь возможность подсказать, поправить, предостеречь.

Но это еще и одна из самых дурных услуг, которые я мог бы тебе оказать. Поэтому я ухожу и надеюсь – своевременно. Тебе же, мой тан, придется привыкнуть к одиночеству. И чем скорее, тем лучше. Мало что на свете может сравниться с одиночеством капитана!

Вальдес Марратоа,

Писано в Тарриме, в год 1463-й Отца-Солнце, менура 8-го.

¹³ В первых вариантах перевода на иторенский «Бесед на ступенях дворца» это высказывание чаще всего переводилось как: «научить всему, что знает сам». Однако в более поздних изданиях, включающих также комментарии Лина Ба Рева, отчетливо видно, что как раз против такого подхода философ и предостерегает. «Давать следует ученикам лишь созревшие плоды опыта и размышлений – дурные же учителя норовят осыпать их всей листвою прожитых лет».

И – короткая приписка внизу
А главное, Диего – теперь ты сможешь нанять личного повара, который
будет готовить по твоему вкусу.

* * *

18-е менура, 15 миль к югу от рейда крепости Альма.

Корабль понравился ему сразу, с первого взгляда. Нет, пожалуй, еще раньше – когда он читал отчет с верфи, серая казенная бумага неожиданно показалась... теплой? Наверно так – за прыгающими строчками вдруг проступил на миг стройный силуэт красавца-трехмачтовика и Диего поймал, запомнил его, как герои любовных саг впечатывают в память лицо девушки с мельком виденного медальона.

Сейчас же капитан Диего Раскона был почти влюблен в свой фрегат: в его мачты, паруса, офицеров и матросов, просторную капитанскую каюту, – правда, закутанные до поры в парусину две ретирадные пушки делали эту просторность довольно условным понятием. Даже вид и запах «свежего мясного запаса» в загородке за грот-мачтой доставлял капитану «Мстителя» чистейшее удовольствие.

И только лишь одна деталь корабельного быта категорически не нравилась маленькому тану.

Качка!

– Как вы себя чувствуете, тан капитан? – спросил первый помощник.

– Лучше, – Раскона улыбнулся, вернее, попытался улыбнуться – на его бледно-зеленом лице это выглядело похуже оскала зомби. – И не смотрите на меня так недоверчиво, Энрике. Видели бы вы меня час назад, когда я...

– Жалели, что ввязались во все это?

– Нет, – слабым голосом ответил Диего, – думал, что вот-вот сдохну.

Энрике вспомнил, как тан обходил корабль перед отплытием – спокойно, не торопясь. Что на шкафуте он стоял до тех пор, пока лес мачт над рейдом Альмы окончательно не пропал из виду – и лишь затем спустился в каюту. Теперь ун-капитан догадывался, чего стоили Диего эти минуты.

– Право же, тан Диего, если это повторится...

– ...то я зря отдал двадцать сан за этот проклятый заговор от морской болезни. Посмотрим. Если скотина-колдун все же не соврал, к вечеру должно пройти – и на год вперед. Надеюсь, что так оно будет – потому как год этот я сейчас отстрадал авансом... о, Темный!

Энрике отвернулся. В каюту, привлеченный издаваемыми Диего звуками, проскользнул капитанский вестовой с очередным чистым тазиком под мышкой.

– Может, мне все-таки зайти позже?

– Нет, – скатываясь обратно в гамак, прохрипел Раскона. – Мне и впрямь лучше – теперь, когда я выблевал даже позавчерашний завтрак. Берите стул и садитесь! Эй... а где ваша шпага?

– Шпага? – с нарочитым беспокойством переспросил ун-капитан. – Был уверен, что пристегнул ее. Надеюсь, она не упала за борт. Сейчас же отправлюсь на поиски.

– Это была шутка, Энрике. Даже я знаю, что этим пунктом устава пренебрегают все офицеры королевского флота. Проще надеть... ох-х, нет, смеяться мне рановато.

– Лучше бы вы и впрямь лежали еще какой часок, тан капитан, – участливо забормотал вестовой.

– Пшел прочь... – Диего нахмурился, пытаясь припомнить имя своего нового слуги, но не сумел и потому ограничился коротким: – Живо!

– Да, тан капитан, уже-уже!

– Его зовут Марко, – сообщил первый помощник, дождавшись, пока не на шутку перепуганный толстячок выскочит из каюты. – Он из последней партии матросов, той, что доставили за день перед отплытием. С его брюхом по вантам не поскачешь, но я уверен, вестовой из него выйдет отменный.

– Я и подумал, что не похож этот Марко на бывалого моряка.

Ун-капитан мысленно усмехнулся, припомнив строки из «греховного баланса», бегло просмотренного им, пока кузнец фрегата снимал с новоприбывших кандалы – тюремное ведомство кое-как соглашалось расстаться со своими «постояльцами», но за каждое звено цепей готово было сражаться до последней капли чернил. Марко Бальбо, родом из Карраса, возраста неизвестного, ибо год рождения не ведает, уличен в грехах пред Высоким Законом, как-то: злоумышление на кражу, укрывательство краденого, перепродажа краденого, сводничество, подлог «хлеба и вина»¹⁴ и пособничество Темному. Последнее, разумеется, не по умыслу, – иначе бы каррасец сейчас не качался на волнах, а танцевал «пляску еретика» среди вязанок хвороста, – но лишь из-за жадности: будучи хозяином воровского притона, Марко не особо заботился о регулярном благословлении. А в отсутствии оногo благословления в подвале у него повывелись крысы, а место их заняли твари куда более чуждые сему Миру.

– Это, – усмехнулся ун-капитан, – вы еще остальных не видели.

– Все настолько плохо? – Раскона попытался вскочить, но провалился рукой сквозь сетку гамака. – Чтоб его Князь Ночи... я помню, что вы писали про нехватку людей, но всего парой строк. А сегодня, при отплытии, доложили, что корабль снаряжен и готов к плаванию.

– А что бы изменилось, напиши я вам поэму? – с горечью спросил Энрике. – По меркам танов из Адмиралтейства фрегаты и в самом деле снаряжены и готовы, его собирались отправить еще на прошлой неделе, но тут появились вы...

– Я бы мог... – Раскона оборвал фразу. – А-а...

– Вы и сделали немало, – сказал первый помощник. – И это не лесть. Благодаря пинкам, которые вы роздали портовому начальству, «Мститель» вышел в море в куда лучшем виде, чем большинство кораблей, на которых мне довелось служить.

– То есть, дело не очень плохо, а просто плохо?

– Можно сказать и так, – согласился ун-капитан. – По крайней мере, корабельный комиссар почти в восторге: ему даже удалось добыть запасную мачту из красного кедра. Обычно так балуют лишь флагманские корабли – слишком ходовой товар, из этих заморских бревен получают не только превосходные мачты, но и отличная мебель.

– Надо было все-таки повесить дюжину складских крыс, – мечтательно вздохнул Диего. – Жаль, ордер не выдали.

– С экипажем, – продолжил Энрике, – дела обстоят с одной стороны неплохо, а с другой – не очень. Хорошая сторона: из полагающихся нам двух сотен человек не хватает девятнадцати. Всего лишь, тан капитан, и это действительно так – «Архиепископ Квана» месяц назад ушел за океан с некомплектom в треть.

– А как же выглядит другая сторона?

– Ну, больше всего меня тревожит нехватка офицеров, – сказал Энрике. – За эти десять дней я сумел переманить на «Мститель» лишь двоих: Мануэля ги Таско и Гарсиа Оркиса, оба ун-лейтенанты... пока.

– Пока... я еще не могу присваивать очередные звания, Энрике, – заметил маленький тан. – Мне и за вас пришлось изрядно побороться.

¹⁴ В иторенском законодательстве – торговля заведомо недоброкачественными продуктами: разведенным вином, порченным хлебом и т. д.

– Вы можете давать временные звания, – возразил первый помощник. – И доверять командование призами.

– Призами... ладно, продолжайте.

– На этих двоих можно положиться во всем. Штурман же, тан Фелипе Ано... – ун-капитан сделал паузу, – не могу сказать, что доволен им. Все дни перед отплытием иначе как мертвецки пьяным я его не видел.

– Вы сможете заменить его в случае нужды? – быстро спросил Диего.

– Я уже приказал Оркису проводить расчеты одновременно с ним.

– А если, – осторожно начал Раскона, – я также займусь проверкой, это будет выглядеть необычно?

– Более чем обычно! – ун-капитан снял треуголку, покрутил головой, и, видимо, не обнаружив лучшего места, осторожно пристроил шляпу на лафет пушки.

– По правде говоря, большинство капитанов перепроверяют своих штурманов. Такой уж народ. И неудивительно – ведь, к примеру, на галеонах Зиганской компании астрогаторам платят втрое, не считая премий за каждый рейс.

– А у ликтов, – пробормотал Диего, – есть звание «штурман и капитан».

– Еще нам прислали трех юнг-поручиков, – Энрике то ли не расслышал последнюю фразу маленького тана, то ли не счел нужным ее комментировать.

– Их имена я сумел запомнить, – сообщил маленький тан, – Данни Хотбок, Педро Новенто-Нуэво и Васко Чува. Только... они выглядят совсем детьми.

– Хотбоку пятнадцать, двум остальным – четырнадцать и тринадцать соответственно. Про них я пока ничего сказать не могу, мягкая глина, но, – с какой-то наивной радостью добавил ун-капитан, – на море взрослеют быстро. Посмотрим, что из них вылепят шторма и ядра.

– Энрике, – неожиданно спросил Диего, – а сколько было вам, когда вы впервые ступили на палубу?

– Мне? – переспросил ун-капитан. – Тринадцать. А что?

– Нет, ничего, продолжайте.

– Корабельный комиссар, тан Франко Неро.

– Маленький толстячок, что размахивал списком в два раза длиннее себя, – Раскона ткнул пальцем в сторону полки, на которой в виде рулона обосновался упомянутый список.

– С виду он человек весьма деятельный. По крайней мере, – с усмешкой сказал Энрике, – он проявил себя таковым по части притаскивания на корабль всего, до чего сумел дотянуться.

– Разве это плохо?

Ун-капитан вспомнил расстроенное лицо тана комиссара, когда ему в четвертый раз объяснили, что никак, никак, никак и еще раз никак не смогут взять в балласт мортиру с бомбардирского кеча.

– По большей части хорошо, – вслух сказал он, – но пару раз мне пришлось напоминать ему о различиях между фрегатом и пузатым, как беременная сука, галеоном.

– Ну, его-то мне проверить легче, чем штурмана! – уверенно заявил Диего. – Так что с этой стороны подвоха можно не ждать.

– Непривычное для меня состояние.

– Говорят, к хорошему быстро привыкаешь.

– Хотелось бы, – вздохнул ун-капитан.

– С офицерами все? – спросил Диего. – Хотя нет, постойте... – с беспокойством добавил он, – я же чуть не забыл о главном! Что с магом? Я не видел его на палубе во время отплытия!

– Он прибыл утром. Святой брат Агероко. Его каюта рядом с вашей, по правому борту. С той самой минуты, как он спустился туда, его никто больше не видел.

– Зато я, кажется, слышал, – пробормотал маленький тан, – и если это было не эхо, то наш корабельный маг вовсе не провалился в Нижние Миры... хотя, возможно, и предпочел бы это сделать.

– В сопроводительном письме было указано, что сей брат прибыл к нам из монастыря Граматон.

– Это хорошо или плохо?

– Это, – подчеркнул ун-капитан, – нам предстоит узнать на собственной шкуре. Клирики Граматона славятся боевыми умениями, но, боюсь, знания святого брата о морской магии ограничены трехмесячными курсами в Санта-Навидад.

– Или научится, или погибнет, – сказал Диего. – Это будет, – он выдавил кривую усмешку, – типично по-иторенски.

В общем, Энрике придерживался схожего мнения. Правда, первый помощник еще опасался, что в процессе учебы или гибели святой брат запросто может утянуть собой на темный лед весь фрегат. Но эти мысли он пока решил оставить при себе.

– Меня больше всего волнует нехватка младших офицеров, – вслух произнес он. – Согласно инструкциям Адмиралтейства на корабль нашего ранга больше двух лейтенантов не полагается, и сейчас, тан капитан, я не представляю, как мы будем формировать команды для призов.

– Погодите с призами, – осадил его Диего. – Давайте доразберемся с экипажем.

– Ну, дальше – полегче, – выжывая из «камбалы»¹⁵ потрепанный лист, сказал Энрике. – Как я уже сказал, из полагающихся нам двухсот человек не хватает всего лишь девятнадцати.

– Говорили, было дело, – подтвердил Раскона. – Ну а сколько человек из команды сейчас заочно соревнуются с капитаном в кормлении чаек?

– Нисколько.

Первый помощник не лгал – свежее испеченные матросы, прежде чем ступить на борт, тоже получили свое заклинание от качки. Дешевое, нестойкое, грубо составленное портовым колдуном и торопливо наговоренное вторым подмастерьем, оно и впрямь не позволяло расстаться с содержимым желудка. Чиновник Адмиралтейства, придумавший это требование, много думал об экономии казенного провианта... а возможную, точнее, вероятную смерть одного из каждой сотни явно счел приемлемой ценой. В конце концов, речь шла всего лишь о матросах.

– Хорошо, давайте по порядку.

– Тогда начну сверху и с хорошего, – Энрике наклонил бумагу, подставляя ее под луч предзакатного солнца. – Нам дали сорок человек из Морской Гвардии.

– А обещали пятьдесят.

– Мой тан, и сорок моргвардов большая сила и большая удача для нас. Обычно их заменяют простыми солдатами, которые и на палубе-то с трудом держатся. К нам же прислали настоящих «красных платков», причем половина – ветераны!

– А вторая половина?

– По крайней мере, – после недолгой паузы заметил ун-капитан, – все они прошли через «Хелль».

Что не так уж мало, мысленно дополнил он. Бывший ликтский флагман, – а последние шестьдесят лет учебный лагерь Морской Гвардии – имел весьма мрачную репутацию, но те, кто проходил через его сито...

– Значит, хотя бы умеют плавать, – по-своему расшифровал его паузу Диего. – И то хлеб, как говорится. Эй, а их офицер?! Я не помню, чтобы видел его и сейчас вы не сказали, что у нас есть еще и моргвард.

¹⁵ Плоская кожаная сумка, обычно пристегиваемая к поясу.

– Потому что у нас его нет, – сказал первый помощник. – Подозреваю, это и есть причина, из-за которой нам прислали только сорок человек вместо полагающейся полусотни. С другой стороны, – задумчиво добавил он, – возможно, это и к лучшему...

– Энрике, не темните! – потребовал маленький тан.

– В отсутствии офицера ими командует старшина, – пояснил ун-капитан. – Думаю, вам следует поговорить с ним...

– ...и пообещать офицерство за хорошее поведение. Энрике, я, по-вашему, кто? Архимаж? И умею выколдовывать офицерские патенты из воздуха?

– Я просто сказал, что вам стоило бы поговорить с этим старшиной, – нахмурился первый помощник.

– Поговорю.

Со второй попытки Диего сумел сесть на край гамака. Не самое устойчивое положение, но, по крайней мере, оно было вертикальным – что для своего нынешнего состояния маленький тан считал немалым достижением.

– Поговорю, – повторил он. – Раз уж... постойте. Этот старшина – высокий, лет двадцати, волосы цвета соломы... и фамилия.

– Фишер.

– Внутренний голос подсказывает мне, – насмешливо сказал Диего, – что корни этой фамилии таятся отнюдь не в иторенской глине. Ну-ка, прикинем: Кэмпбелл, один из юнг, Хотбок, теперь еще и старшина моргвардов. Не корабль, а настоящее гнездо ликтских эмигрантов. Среди матросов тоже ведь будет еще с десятков, верно?

– Если вы думаете, – начал Энрике, – что я каким-то образом...

– Ничего я думаю! – оборвал его Раскона. – Даже тупому орку понятно, что их просто-напросто сплывили на «Мстителе». На самом деле, – уже спокойнее добавил он, – меня это даже радует – знаю ведь, от кого еще избавляются подобным способом.

– Это будет следующим пунктом списка, – с легким оттенком злорадства поведал ун-капитан. – Матросы.

– И что же с ними?

– Тридцать из них – матросы первого класса... – Энрике глянул на маленького тана и, дождавшись кивка, продолжил: – Еще столько же – второго. Остальные...

– Сброд, не сумевший удрасть от вербовочных отрядов! – подвел итог Раскона. – Или отбросы. Уверен, вы тоже знаете много подходящих слов.

– Сейчас мир, а значит, часть из них – добровольцы, – осторожно заметил первый помощник. – В некотором роде.

Раскона недоверчиво хмыкнул. Впрочем, ун-капитан и сам понимал, насколько сомнительным является добровольчество людей, которым пришлось выбирать между палубой фрегата и каторжной шахтой. А еще он был готов поспорить, что многие из них сейчас жалеют о своем выборе.

– Драить палубу они могут уже сейчас. И если не давать им зевать от скуки, то через несколько месяцев эти ребята и с парусами будут обходиться ловко.

– А с пушками?

– С пушками сложнее, мой тан, – признал Энрике. – Мы кое-как можем скомплектовать расчеты, но хороших канониров не хватит и на один борт. А без пороха их не натаскаешь...

– Зараза свиносотская! – Диего попытался пнуть лафет одной из пушек, но не дотянулся. – Дайте-ка мне комиссарский список! – потребовал он.

– Если вы хотите взглянуть на ту графу, где указан запас пороха, – сказал первый помощник, – то ее за последние дни я выучил наизусть. Нашего запаса хватит в лучшем случае на полсотни полных бортовых залпов.

– А в худшем?

Энрике пожал плечами.

– В каждом третьем бочонке восстановленный порох, второй сортности.

– Знакомая дрянь, – Раскона вновь дернул ногой, на этот раз почти дотянувшись носком башмака до лафета. – Когда я служил в Гадрокке, одна сволочь то и дело присылала его вместо положенного егерям отборного. Всякий раз парни грозились отправиться с обратным конвоем и начинить этим «тоже порохом» брюхо тана интенданта по самую глотку.

– А что с ним делали в итоге? – поинтересовался Энрике.

– С интендантом или порохом? – вяло усмехнулся Диего. – Списывали как израсходованный, а затем продавали местным. Тамошний народец через одного либо браконьеры, либо контрабандисты. И чем чаще у них приключались осечки, тем целее были наши шкуры.

– Боюсь, в море этот способ малоприменим, – заметил ун-капитан. – Вряд ли нам удастся сбыть этот порох ликтам.

– По ту сторону океана есть и не столь разборчивые покупатели, – сказал маленький тан. – Здесь же... разве что рыбам его скормить. Или расстрелять к Темному – пусть наши пушки хоть запах его узнают.

– Разве что, – Энрике тяжело вздохнул. – Разумеется, учениями без выстрела мы их можем дрессировать сколько угодно, но это значит...

– ...что в бою нам придется подходить к противнику на дистанцию плевка, только и всего, – спокойно заявил Диего. – Тогда и самый косоглазый пушкар не сумеет промахнуться!

– Это, пожалуй, единственное, что нам остается.

После этой фразы в каюте наступила тишина из тех, что принято называть «неловкой». И Энрике Кэмпбелл с его немалым опытом, и Диего Раскона без оного сейчас думали практически об одном и том же: сойтись с вражеским кораблем вплотную на практике означает почти неизбежный абордаж. А в команде даже небольшого пиратского люггера не меньше полутора сотен человек – отборных головорезов, с десятками боев за плечами. При таком раскладе первый же бой «Мстителя» мог стать его последним боем – под иторенским флагом. А после какой-то удачливый пират начнет хозяйничать на морях, опасаясь разве что линкоров.

И сейчас маленький тан молчал, ожидая, что скажет Энрике – а первый помощник не говорил ничего...

...потому что и в самом деле считал, что ближний артиллерийский бой – единственно, что остается фрегату. Кроме бегства.

В итоге тишину рискнул нарушить все-таки Диего.

– В общем, главное ввязаться в бой, а там видно будет, – сказал он и почти в тот же миг вздрогнул – ему показалось, что на левое плечо легла невидимая, но вполне осязаемая рука и знакомый голос укоризненно произнес: «Вы же знаете, мой тан, я никогда не одобряю подобную дурацкую тактику!»

– Мой тан, я... – начал ун-капитан и в этот миг сверху донесся звон корабельного гонга. – Бьют четыре склянки, мне пора на вахту.

– Стойте! – Диего встал, вернее, наполовину повис, хватаясь одной рукой за гамак, а второй – за вингард пушки. – Четыре склянки – это шесть вечера, правильно?

– Да.

– В таком случае, тан ун-капитан Кэмпбелл, – нарочито громко и четко произнес Диего, – достаньте из правого ящика стола пакет и убедитесь в целостности его печатей.

Выполнив этот приказ, первый помощник с трудом сдержал удивленный возглас. Аналогичные приказы Адмиралтейства были не в новинку на флоте – хотя таны адмиралы обычно устанавливали в качестве условия открытия координаты какой-либо точки, а не время. Но вот про подобный приказ от первого министра Энрике до сего дня и слышать не приходилось.

– Печати нетронуты, тан капитан! – доложил он.

– Рад за них, – криво усмехнулся Диего. – Вскройте пакет и узнайте, что за пакость приготовил нам тан герцог в качестве выпускного экзамена!

До этого часа Раскона мог лишь строить догадки о задании ги Леннека – и сейчас, глядя как по мере чтения брови ун-капитана поднимаются все выше, Диего понял, что сбылась худшая часть его предположений.

– Здесь говорится... – ошеломленно начал Энрике. – Виноват, мой тан. Приказ Его светлости предписывает нам следовать в залив Марамо. Там «Мстителю» следует принять на борт посланника шаха Беда, его старшего брата, лорда Эшама...

– Это будет один человек или трое? – усмехнулся Диего, припомнив шутку о вожде зеленошкурных и очень благородном тане.

– ... и доставить его в Таррим.

– Хм... а эта шкатулка, видимо, подарок для шаха.

Диего не помнил, где именно находится залив Марамо, но логично было счесть его частью побережья небольшого шахства, расположенного в юго-восточной части Глиняного моря. Зажатое между морем и пустыней, Беда формально – как и подобные ему – считалось частью Падишахства, однако на практике указы Асадобада уважались бешбешами в прямой зависимости от настроения местного властителя. И обычно настроение было для указов не благоприятным.

– Выглядит подозрительно просто, – произнес Диего. – Но судя по вашему лицу, нас ждут подводные скалы, причем в количествах. Выкладывайте, Энрике, что вы думаете об этом задании?

– Мой тан... – первый помощник замолк, видимо, пытаясь облечь свои мысли в доступную «сухопутному капитану» форму. – Я думаю, что это задание очень странное. То есть, оно действительно выглядит просто... но я никогда прежде не слышал, чтобы к тамошним берегам посылали одиночный парусник. Обычно там ходят – и воюют – только парусно-гребные корабли.

– Темный, как же я сразу не сообразил! – маленький тан рубанул кулаком воздух. – Полуденный штиль!

– Совершенно верно, – подтвердил ун-капитан. – В этих водах корабль без весел может полдня простоять как башмак посреди лужи. Даже магия не выручает – мне довелось слышать, как наш маг клялся, что и в дюжине миль вокруг нет ни одного сильфа.

– Значит, мы попробуем... – Диего, побледнев как мел, сел, точнее, повалился обратно в гамак. – Опять. Ох-х... вы свободны, ун-капитан!

Первый помощник дошел почти до двери, когда вспомнил об еще одной возложенной на него миссии.

– Кха-кхм...

– Что еще?

– Не хочется вас огорчать, – с жалостью произнес Энрике, – но у королевского флота имеется традиция, согласно которой таны офицеры в первый вечер должны непременно попытаться напоить нового капитана. Собственно, кают-компания уже уполномочила меня передать вам приглашение на торжественный ужин.

Ответом ему был тоскливый стон из глубины гамака.

Той же ночью.

Он проснулся резко, словно на койку выплеснули полное ведро холодной воды – впрочем, холодный липкий пот был ничуть не лучше.

Диего Раскона проснулся из-за того, что в каюте был кто-то еще. И этот кто-то не был человеком.

Первое желание было простым и естественным – вскочить и заорать! Но маленький тан задавил его почти в тот же миг, как осознал. Твари Князя Ночи превосходно чувствуют страх жертвы

и столь же успешно подпитываются им. Глупо делать врага сильнее. К тому же, сообразил Диего, вряд ли сквозь защиту их нового и, соответственно, совсем недавно благословленного корабля могла незаметно проникнуть крупная бестия. Куда более вероятно, что ночной гость принадлежит к числу мелких демонов, с которыми взрослый человек вполне может совладать – если, конечно, не потеряет рассудок от ужаса. А может, это и вовсе какой-то рыбозверь...

Цок-цок-цок – простучало вдоль стены. Диего затаил дыхание... тварь чем-то скрежетнула под столом – и прыгнула! Удар в грудь, бритвенной остроты когти рванули руку, которой Раскона в последний миг все же успел заслонить глаза. Маленький тан заорал, наугад отмахнулся – ночной гость с обиженным воем улетел куда-то в угол. Взыв едва ли не громче, – от резкого движения в голове словно разорвалась бомба – Диего подскочил к столу, выдернул из ножен кортик, развернулся, и вновь вскинул руку, на сей раз пытаясь заслониться от луча фонаря.

– Что случилось, м`тан?

– У-у-убери свет!

Исходивший от неясного контура над фонарем голос был знаком Диего, причем... да это же Венетио, вестовой кают-компания, сообразил маленький тан. Рядом, судя по чуть более багровому оттенку темноты, маячил так и не появившийся на торжественном ужине корабельный маг, брат Агероко, то ли успевший надеть рясу, то ли не снимавший ее даже на ночь. Конечно, этот оттенок мог быть вызван и другими причинами – хотя танам офицерам и не удалось свалить капитана под стол, они очень старались, причем уповав на количество выпивки, а не на качество. И раскалывающаяся голова, равно как и жутчайшая сухость во рту, сообразил, наконец, Диего, была следствием именно их стараний, а вовсе не наведенных тварью злых чар.

– Тан капитан?

– Там, – Раскона махнул кортиком в угол, где, злобно шипя, жалось к стене порождение Нижних Миров. – Кажется, это по вашей части, святой брат?

– Не могу сказать уверенно, мой тан, – сонно пробормотал монах, – но мне кажется, что это просто...

– Это Царапка, тан капитан, – Венетио поставил фонарь на пол, прошел мимо разинувшего рот Диего, ловко сцапал ночного демона за шею и водрузил его к себе на руку. Демон же, к вящей оторопи Раскона, не стал пытаться разорвать матроса в клочья, а наоборот – сменил вой на мурлыканье.

– Я думал, – проворчал Диего, надеясь, что в полутьме каюты никто не заметит его ушей цвета сутаны монаха, – на фрегате лишь один кот.

– Истинно так, м`тан! – быстро произнес вестовой, который был слишком озабочен собственной оплошностью, чтобы вглядываться в капитана. – Кот, Хуан Карлос Четвертый, он один, вы его давеча на бушприте видели. Приобретен у команды шлюпа «Отчаянный», складчину... ну, боцман вам это уже докладывал. А Царапка, она, извольте видеть, м`тан, – Венетио нежно погладил прижавшегося к его груди зверька, – кошка. Молоденькая, глупая... играет почитай, все время как не спит. Ну и... мы ж ее вечером обыскали, а она, выходит, тута, в смысле, в вашей каюте задрыхла, шкодница. Вы уж, – покаянно добавил вестовой, – не сердчайте на нее, тан капитан. Животная, что с нее взять.

Диего только сейчас заметил, что все хватается за кортик и с нарочито небрежным видом вдвинул его в ножны, едва не порезавшись при этом – что также не добавило капитану «Мстителя» душевной благодати.

Все происшедшее было настолько глупо, нелепо... и смешно, неожиданно сообразил Раскона. Благородный тан – победитель котенка! Ох и умора.

– Ясно, – процедил он, с трудом удерживаясь, чтобы не расхохотаться во все горло. – Забирайте вашу... Царапу, Венетио, и выбросьте... – он сделал паузу и вестовой сжался в ожидании резкого, как меч палача, «за борт!». – ... где-нибудь около камбуза! Или буфета

кают-компаний. В конце концов, кто на этом корабле является более лакомой целью для крыс – припасы или капитан?

– Слушаюсь, м`тан! – радостно выдохнул вестовой. – Щас буд сполнено!

– Брат Агероко, – развернулся Диего к монаху. – Надеюсь, вы простите меня за ваш прерванный по столь нелепому поводу сон...

– Я ничуть не сожалею о том, что проснулся, мой тан, – сказал монах. – Это было весьма познавательное зрелище. Мои же сны, как правило, куда скучнее.

29-е менура, примерно 75 миль к юго-востоку от мыса Семаф.

– Ну, зачем тебя звал Малыш?

Этим вопросом троица сержантов морской гвардии задавалась уже более получаса, с тех самых пор, как проходивший мимо их «клуба» – бочки с песком на полубаке – капитан Раскона приказал старшине Фишеру следовать за ним. Такое внимание со стороны командования обычно не сулит нижним чинам ничего доброго – в этом сержантов убеждал весь опыт их предыдущей службы. Правда, никаких особо крупных провинностей за моргвардами «Мстителя» пока не числилось, зато имелась уйма мелких грешков – из числа тех, на которые обычно закрывают глаза. При наличии же желания и эти мелкие проступки дают повод практически для чего угодно: порки, разжалования, сожжения или расстрела с последующими каторжными работами.

Однако вернувшийся из капитанской каюты старшина не был похож на пробитого дюжиной пуль зомби.

– Ну же, Джеки! – повторил сержант Гин. – Чего ему было надо?

Прежде чем ответить, Фишер достал свою короткую трубочку «кумберляндского маниру», старательно утрамбовал в нее порцию зелья, и лишь выдохнув первый дымный круг, произнес:

– Да так... поболтали ни о чем.

Это был далеко не тот ответ, которым его сотоварищи могли бы удовлетвориться – даже поверь они старшине.

– Как же, как же, – хрипло произнес Хосе Полглотки Каско. – Может еще и спели на пару, а? Ну, как его, дуплетом... – он осекся, обнаружив прямо перед своим лицом нечто большое, волосатое, украшенное татуировкой: «Подаvisь и сдохни!»

– Думай, прежде чем каркнуть! – укоризненно пробасил Гин. – Во-первых, офицер в дюжине шагов, а во-вторых, я и сам за такие поганые слова так могу тебя за горло подержать... что кузнец и за неделю не разогнет.

– Н-ны, рискни! – Каско вздернул подбородок, выпятив латунную пластину – след карточного попадания, из-за которого и получил свое прозвище. – Я ж...

– Закроешь пасть, – поддержал Гина третий сержант, Элайя. – А не то и я добавлю.

Шагнув назад, Полглотки зло улыбнулся, смачно плюнул в бочку и похромал к трапу.

– С виду навроде и человек, а разинет рот – дерьмо! – пробормотал ему вслед Гин и повернулся к старшине. – Теперь-то будешь говорить?

– Да разговор и впрямь странный вышел, – Фишер отмерил порцию для следующей набивки. – Он ко мне присматривался... ну а я к нему, вот и получилось. Пофехтовали на намеках.

– А намекал-то хоть на что? – жадно спросил Элайя.

– Сразу и не поймешь, – солгал старшина. – Подумать надо.

– А-а... – понимающе протянул сержант. – Это да, благородные таны любят... иной раз как скажут, потом битый час в затылке чесать будешь: то ли похвалил тебя, то ли обматерил в три загиба с перехлестом.

– Вот я и думаю, – кивнул Фишер. – Перевариваю в башке.

– Ну-ну... как прожуеть, квакни.

– Непременно, – пообещал старшина. – Вам первым... и никому больше. Гин, табачку подкинь.

– Хватай, – бархатный, с бисерным узором кисет пролетел над бочкой и угодил точно в подставленную ладонь.

– Только все не выдymi, ага. Тут, скат его бодай, море, в лавку не сходишь. Малыш тебе, случаем, не сказал, куда мы прем-то?

– Нет. И когда припремся – тоже.

– Ить, жаль... а ты давай, вари башкой, – насмешливо протянул сержант. – Будешь этим почаше заниматься, глядишь, Малыш тебя и в офицеры вытащит, за жабры, хы-хы-хы.

Не реши Гин первым посмеяться над собственной шуткой, он бы наверняка заметил, как напрягся старшина после этой фразы. Всего на миг – когда сержант, отсмеявшись, вновь глянул на Фишера, тот уже успел вернуть своему лицу маску ленивой расслабленности.

– Вот перестанешь отвлекать меня ржаньем да гоготом, тогда смогу подумать!

На самом деле Джеки Фишер всю «варил башкой» уже сейчас – снова и снова прокручивая в памяти недавний разговор в капитанской каюте:

– И все-таки, почему вы не хотите стать офицером?

– Не имею к этому природной склонности, тан капитан!

Странно, подумал старшина, ведь казалось бы – он и так ниже меня на добрых две головы, а сейчас еще и лежит. С чего ж мне так упорно кажется, что смотрит на меня тан капитан сверху вниз? Прямо душу сверлит этими голубыми гляделками.

Ему прямо-таки чесалось сунуть руку за ворот рубашки, чтобы проверить оберег – понятное дело, не казенную медь, а крапчатый камушек, за свои кровные дукарии купленный у Химары-зеленушки. Заговор на нем был честный, крепкий – оберегами Химары не брезговали даже офицеры, из тех, что победнее. Как-никак, семейство ведьм уже третье поколение обитало под крылом у тарримских моргвардов: зная об этой клиентуре знахарки, городские стражники с Химарой не связывались, святые братья без их подсказки на подобную мелочь не разменивались, а Гильдия Магов довольствовалась цеховым сбором и платой за лицензию травницы.

– Старшина Фишер... – Диего вздохнул. – Я ведь моложе тебя... и еще не успел забыть, как надо изображать оловянные глаза перед отцами-командирами. Так что давай без этого. Твои... да, именно так, твои моргварды играют одну из ключевых ролей в моих планах. А значит, я должен быть уверен в них полностью... и пока у меня этой уверенности не будет, Джеки, я с тебя не слезу. Хочешь вина?

Фишер судорожно сглотнул подступивший к горлу комок. Про капитанское вино экипаж «Мстителя» уже сложил не одну легенду. Хотя попробовать его довелось лишь офицерам, да и то всего дважды, любой матрос мог часами рассуждать о достоинствах и вкусовых оттенках этого воистину чудесного напитка.

– Благодарю, тан капитан, – старшина сглотнул снова. – Но... предпочел бы обойтись.

Диего Раскона хмыкнул и, привстав, закинул подушку в дальний конец койки, под ноги.

– Вина я дважды не предлагаю, – сказал он. – Поэтому вернемся к разговору об офицерском чине. Только на этот раз я жду откровенного разговора.

– Тан капитан, я... и не знаю, как это сказать бы.

– Словами, – подбодрил старшину Диего. – Как получится, так и говори.

– Офицеры, м`тан, они с другой глины леплены.

– Вздор! – грубо произнес маленький тан. – И ты это знаешь, в бою ведь бывал, видел! Кровь красная, кость белая, а если в живот пришлось, то и кишки с дерьмом наружу вываливаются в точности, как у простолюдина. Так в чем разница-то?

Столь крамольного аргумента старшина не ждал.

– Ну-у... читать-писать, опять же, надо. А я только считать, да и то до второй сотни. Жалование у меня, – добавил Фишер, – больше не бывает, хоть в леррах считай, хоть в рислинговских полугрошах, м`тан.

– Два месяца, – сказал маленький тан. – Или меньше. Любой из юнг с радостью займется твоим обучением за, допустим, уроки боя абордажным тесаком. Я видел, как они глазели на ваши игрушки... ты ведь ножевик, сангибанская школа, верно?

Школа? Джеки вспомнил улочку, дождь, грязь по колено... грязные слова, что выплевывает стоящий перед ним приземистый каррасец... внезапный блеск стали в руке, жгучую боль поперек груди... треск чужого запястья и боль в окровавленных костяшках, разбитых о наглую ухмылку чужака.

– Да какая школа, тан капитан, – смущенно буркнул он. – Школа – это шпаги, рапиры там... трактаты с рисунками. А у нас подворотня да проулок, вот и вся школа.

– Без опыта проулков любой трактат мало чего стоит!

Капитан резко вскинул правую руку вперед и вверх, странно вывернув при этом запястье – и старшина едва не охнул, сообразив, что будь в этой руке настоящая, а не воображаемая шпага, он уже лежал бы на полу, хрипя и булькая на манер Полглотки.

– Это тебе охотно подтвердит любой благородный тан.

– Верно, токо вот... – Фишер замолк.

К его удивлению, Диего Раскона также не стал ничего говорить. Вместо этого капитан «Мстителя» подошел к столу и, взяв циркуль, принялся так и сяк прикладывать его к разложенной карте. Это длилось минуту, вторую... на восьмой старшина все-таки не выдержал:

– Разрешите выйти, тан капитан?

– Нет, – не отрываясь от карты, быстро сказал Раскона. – Я по-прежнему жду.

Стоять и молчать старшина Морской Гвардии Фишер умел хорошо. Но сейчас он столь же хорошо понял, что соревноваться с маленьким таном в упрямстве – занятие проигрышное изначально. И он сдался.

– Ну а если начистоту, м`тан... не дело это, к чужому огню лезть. Сейчас я на своем законном шестке, а нацепи эполет... настоящие-то таны офицеры, из благородных, все одно меня сторониться будут как проклятого, да и мои парни выскочек не очень-то любят. От своих уйду, к чужим не прибьюсь, так зачем оно мне надо? Всю жизнь косые взгляды ловить? А то и вовсе – не понравится какому-нибудь юнцу-моднику, как я шарф буду вывязывать, скаламбурит он, я в рожу заеду, вот и повод к дуэли.

– Аргумент понятен, – маленький тан задумчиво коснулся щеки верхушкой циркуля. – Подай линейку, пожалуйста. На полке рядом с твоей головой.

Пару секунд старшина недоуменно рассматривал указанную полку, безуспешно пытаясь понять, что же имел в виду командир. Затем он кое-что разглядел.

– Этот вот кортик, тан капитан?

– Это в первую очередь штурманская линейка, – весело поправил его Диего. – Хотя орудовать ею в бою тоже удобно. Сразу видишь, сколько дюймов холодной стали отмерил в грудь врага.

– Я предпочитаю всаживать по рукоять, тан капитан.

– Тоже вариант.

Раскона несколько раз перебрал ножки циркуля вдоль «кортика». Полученный результат явно пришелся ему по душе – маленький тан принялся насвистывать.

– Насчет «сторониться как проклятого», Джеки. Есть одна притча... впрочем, какая притча, – поправился Диего, – просто история из жизни. Моей. Сядь на койку.

– С вашего позволения, тан капитан, я лучше постою.

– Тогда сядь на пол.

– Слушаюсь!

– Четыре месяца назад, – начал Раскона, – моему мастеру, тану Муэрия, было поручено расследование смерти ги Коразиа, одного из королевских ювелирных инспекторов. Знаешь, кто это, старшина? Нет, не слышал прежде? Это люди, через руки которых проходит почти все заморское золото, камни, серебро. Именно они проводят окончательную оценку всех этих богатств. Большая ответственность... и чудовищный соблазн, так что глава казначейства нервничает, когда с одним из инспекторов происходит нечто странное. Даже когда это странное выглядит естественнейшим образом.

Маленький тан отложил в сторону инструменты, выпрямился и, ловко поднырнув под орудийный ствол, встал у распахнутого настежь окна.

– Тану Антонио ги Коразиа было шестьдесят два, и умер он прямо за своим столом. Сердце... по крайней мере, так определил причину его смерти консилиум из пяти лучших врачей Дариса. Окно в кабинете было заперто, за дверью, в приемной, неотлучно находились два секретаря и стражники, чья преданность не вызывала сомнений, все охранные контуры были нетронуты. Ни малейшего повода для подозрений... и потому никто не стал затягивать с похоронами. У них там поверье на этот счет...

– Есть такое, слышал, – живо подтвердил Фишер. – А все почему? Дарис – город жаркий! Я знал парня, что лавку там держал, так он рассказывал: мол, рыба протухает, едва на прилавок выставишь. С покойниками, небось, та же проблема, тан капитан.

Раскона улыбнулся.

– Как мы ни спешили, – продолжил он, – но прибыли в Дарис только на второй день после похорон. Разумеется, у нас были все необходимые бумаги: королевский ордер, индульгенция из епископата, разрешения Гильдии Магов... не хватало лишь одной – согласия родных. А оно требуется непременно – хотя еще Фома Гельвиций доказал, что спиритическая магия не требует для работы темной некромантии, но все же... право на загробный покой Высокий Закон оговаривает особо.

Неожиданно для Фишера капитан сел на пол между пушками, прижав к себе ноги, отчего сразу стал похож на наказанного ребенка.

– Их было пятнадцать, – сказал он. – Все семейство Антонио ги Коразиа. Они как раз собрались на поминальный обед и тут явились мы. С ног до перьев на шляпах покрытые толстым слоем дорожной пыли, насквозь пропитанные конским потом...

...и со стертой до кости задницей, подумал Фишер, вспоминая свой первый и, хвала Великому Огню, единственный заезд в роли курьера.

– ...и с крайне похожей на требование просьбой: совершить кощунственное надругательство над прахом их свежеепоплаканного родича. В какой-то момент мне показалось, что сейчас они прикажут лакеям взять палки... но нет. Нас даже позвали к столу, и клянусь, – Диего опустил голову, вжимаясь подбородком в колени, – я тогда был в сто раз незаметнее, чем сейчас!

– Могу представить, м`тан, – хмыкнул Фишер, – как они были вам рады-то.

– Не будь у нас надежной защиты от сглаза, – выпрямляясь, произнес капитан, – в тот день и час у казначейства появились бы еще два повода для расследования. Хоть среди ги Коразиа и не было сильных магов, но когда пятнадцать человек хором думают: «Чтоб этот кусок встал у тебя поперек горла!», как бы ни был голоден, поневоле начнешь отрезать себе очень маленькие кусочки... и что в этом смешного?

– Ничего, тан капитан.

– Тогда чему, – вкрадчиво спросил Диего, – ты так разубался?

– Виноват!

– А все-таки... чему?

– Припомнил дисциплинарную яму, – признался Фишер. – Дело было в форте Веласко... я влетел туда за драку со старшиной моей тогдашней роты. Гад и мразь... – Джеки скрипнул зубами, – пообещал, что бой будет честным, а когда я начистил его наглую морду об стену

казармы, подлый урод сразу побег кляузничать ун-майору Хорну. Я тогда был лишь рядовым, вот и заполучил... тридцать плетей и две недели ямы. Сидело нас там две дюжины, а вся еда, – старшина тяжело вздохнул, – ведро похлебки. Надзиратель спускал его с утра, потом устраивался в стороне и начинал жрать колбасу. Кровяную. Можете представить, как мы желали ему подавиться этой колбасой!

– Могу, – сухо заметил маленький тан. – На диво бесполезное занятие, тюремщики и палачи к проклятьям узников бесчувственны. Правило Геральдова ключника, ему лет двести уже.

– Да?! Вот жалость-то! – с чувством сказал Фишер.

– В тот раз я жалел, что правило это не действует для чиновников казначейства. От ги Коразиа словно туман сочился – тяжелый, серый. Казалось, вот-вот, и эта серая туча как ударит по нам... или просто придушит. Жуть. К вину я даже притронуться не решился – думал, сейчас встанем, поблагодарим за гостеприимство, соболезнования положенные отбубним и деру из этой норы.

– Не вышло?

– Нет, – отрицательно мотнул головой капитан. – У мастера Муэрия, как оказалось, был свой план. Едва утолив первый голод, он принялся стучать вилкой по бокалу, пока все разговоры за столом не стихли, а затем встал и сказал. Догадываешься, что?

– Назвал их грязными ублюдками? – обычный Джеки Фишер вряд ли посмел бы сказать такое офицеру, но сейчас его внимание было поглощено рассказом.

– Хуже. Он сказал, что тана Антонио убили. А еще – что убийца кто-то из домочадцев. Сам понимаешь, что началось при этих словах. Все мужчины разом вскочили, схватились за шпаги... дамы, судя по выражениям их лиц, тоже бы постарались принять участие. Со стороны, наверно, забавно было смотреть, как почтенная матрона превращается в фурию, – низко зарывчав, Диего выставил перед собой руки-когти, – примерно такую. В тот миг я ждал, что меня сейчас порвут на очень мелкие кусочки.

– Сумели удрать?

Раскона покачал головой.

– Я не мог, хотя, признаюсь, желание было сильнейшим. Но рядом был мастер Муэрия, и вот он был сама невозмутимость. Стоял, как ни в чем не бывало, и ждал, пока ему в лицо не перестанут брызгать слюной вперемешку с оскорблениями. А потом продолжил. «Убийца среди вас, – сказал он. – Вы знаете имя, вы, все вместе, хотя и не отдаете себе в этом отчета. В семье мало что проходит незамеченным, и каждый из вас обладает фрагментом картинки, пусть даже не понимая его значения. Я могу сложить их – сейчас. Если же вы отправите меня прочь... что ж, это ваше право. Но среди вашего стада останется вкусивший крови волк, а кусочки мозаики в вашей памяти будут угрозой для него. Вдруг появится еще один следователь или кто-то из вас вдруг поймет значение своего фрагмента. Подумайте об этом, хорошо подумайте».

– Им, должно быть, резко повеселело, – ехидно сказал старшина, живо представив, как благородные таны начинают переглядываться... и поспешно прячут взгляд. Убийца среди них... признать это – позор для семьи, но если прогнать чиновника... в каждой чашке, в кусочке мяса или ломтике хлеба сможет оказаться смерть, любая тень вдруг обернется угрозой.

– А дело-то чем закончилось? – с любопытством спросил он. – Старика действительно траванул кто-то из родни?

– Конечно. Один из внуков, прыщавый семнадцатилетний балбес. Повелся на роковую красотку, чтобы добыть денег, начал играть – новичкам ведь всегда везет! – само собой, не успел даже моргнуть, как оказался должен, – Диего подергал бородку, – не помню сколько. Дед заплатил, чтобы спасти честь рода, но при этом пообещал юному идиоту, что вышвырнет его за порог. Скорее всего, – задумчиво сказал капитан, – тан Антонио хотел просто застра-

щать дурака, чтобы тот хоть пару лет держался подальше от карт и девок. Только внучек – тонкая натура, ему пророчили карьеру художника, – и без посторонней помощи натянул себе все нервы, а после угрозы деда попросту обезумел от страха.

– Угу, знаю я таких людишек, – мрачно сказал Фишер. – Навроде крыс, обычно по норам прячутся, но если в угол загнать, кинутся только так.

– Этот был скорее навроде кролика, – усмехнулся Раскона. – А самое смешное – все красноречие мастера Муэрия было, в общем, напрасно. Мы даже не успели получить результаты обследования, как на внучка донес владелец игорного дома. Вот уж кто перепугался, узнав о нашем приезде. Даже вернул семье все деньги – лишь бы таны из казначейства не заподозрили его в чем-нибудь, хихик, противоестественном. Так что, как видишь, людей можно заставить танцевать с тобой, даже когда они тебя и не любят. Главное – подобрать правильную мелодию.

– А вот скажите, тан капитан, – старшина и сам только не понял, что заставило его задать этот вопрос. Просто пришло, словно бы со стороны. – Не бойтесь, что мое офицерство окажется таким же ненужным, как это ваше расследование?

– Не боюсь! – невозмутимо сказал маленький тан. – Поскольку имею обширные планы относительно того, как вы это звание будете отрабатывать. А если Великий Огонь явит чудо и наши враги будут падать ниц при одном лишь виде красных платков – за такое тебя и в генералы произвести не жалко!

12-е згая, восточное глиноморье.

– Долгих лет жизни, реис¹⁶ Диего, да хранит вас Вечнозеленый... – голос купца оборвался стуком двери.

– Кажется, этот пузан испугался нас, – заметил Раскона. – Должно быть, увидев иторенский флаг, он уже вообразил себя на костре.

– Наверняка у него хватает грешков на душе, – отозвался стоявший у окна Энрике. – Эти мелкие фелюки шныряют повсюду и не брезгуют ничем. Сегодня набил трюм фруктами, вчера – рабами, а завтра – птичьим дерьмом. Кстати, что такое вы у него купили?

– Фундук и кардамон. Давно хотел попробовать самостоятельно приготовить пахлаву, – пустился в объяснения маленький тан, – рецепт мне записал Бакувлад, повар из таверны Едука, а это лучшее во всем Таррима заведение с восточной кухней.

– И дорогое, как я погляжу. Две золотых монеты за две пригоршни орешков.

– Ну, – хитро прищурился Диего, – думаю, на базаре в Беда я мог бы их найти за пару медяков.

– Тогда зачем?

Прежде чем ответить, Раскона взял за ствол лежавший на койке пистолет и аккуратно постучал о переборку.

– Я попросил святого брата остаться в своей каюте и слушать оттуда, – пояснил он в ответ на удивленный взгляд ун-капитана. – Вид его рясы мог произвести на нашего гостя слишком сильное впечатление.

– Это да. В здешних водах, – хохотнул Энрике, – наших монахов боятся больше, чем огня.

– Что же касается фундука, – Диего положил пистолет и, взяв один из орешков, начал перекачивать его между пальцами, – то платил я, разумеется, не только за него, а главным образом, за словоохотливость нашего друга в чалме. Ведь, как вы сами только что сказали, эти мелкие фелюки шныряют повсюду. А я, – добавил маленький тан, – не отказался бы знать, что происходит повсюду.

– Вот как... ловко.

– Привычка, – пояснил маленький тан, – на самом-то деле информаторы нужны будут не здесь, а по ту сторону океана. Ах, видели бы вы, – мечтательно произнес Раскона, – какую сеть

¹⁶ Реис (*беш*) – капитан корабля.

соорудил мой командир в Гадрокке, тан майор Хименес ги Фалько. Без его ведома и мышь не пронесла б через границу пару зерен за щеками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.